ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й | № 43 (4939) | ЧЕТВЕРГ, 8 АПРЕЛЯ 1965 г. | ЦЕНА 4 коп.

Колонный зал Дома союзов...

Над ним плыли звуки знакомой мелодии «Бухенвальдского набата». Так в апреле началась встреча бывших узников фашистских концлагерей и борцов Сопротивления с молодежью советской столицы. Ее открыл генерал армии И. В. Тюленев. Он подчеркнул, что советские люди свято хранят имена тех, кто сражался и отдал жизнь за свободу, — имена героев Великой Отечественной войны, мужественных борцов Сопротивления.

Участники встречи приняли резолюцию, в которой выразили гневный протест против попыток реваншистов из ФРГ амнистировать нацистских военных преступников. Они решительно выскажались против намерения допустить бундесвер и ядерному оружию.

На снимке: встреча бывших узников фашистских концентрационных лагерей Равенсбрюка, Освенцима и Нейенгамма. Слева направо: старшая медсестра из Одессы М. Ирочкова, заместитель начальника цеха запорожского автозавода Ф. Сокольский, речник В. Бунреев, торговый работник И. Руденко из Киева и техник А. Ног из Москвы. Фото Б. ВИЛЕНКИНА

ВОПИЮЩЕЕ БЕЗЗАКОНИЕ

Рисунок художника Иллингуорта из английской газеты «Дейли мейл».

Я СНОВА пытаюсь по возможности хладнокровно разобраться в происходящем, но каждый раз передо мной встает все тот же вопрос: как могла дойти цивилизованная страна до решения применить против мирных граждан Вьетнама, женщин, детей и стариков отравляющие вещества?

Невозможно понять, как руководители Соединенных Штатов могли разрешить своим не в меру ретивым воякам бросить против небольшого народа, защищающего свою свободу и независимость, реактивные самолеты, авиабомбы, напалм, газы.

По совести говоря, мне как флотскому офицеру просто стыдно за людей в военной форме, сражающихся против вьетнамских патриотов. Стыд и жгучее возмущение — вот чувства, волнующие меня, как и миллионы людей во всем мире.

Не пора ли Соединенным Штатам, укрепившим свой парадный вход статуей Свободы, положить конец этому чудовищному преступлению?

Леонид СОБОЛЕВ

ЛГ интервью

К. ДЕРЖИНСКИЙ: ЗОДЧИЕ — СОЛНЕЧНОЙ ЮНОСТИ

Недавно в Союзе архитекторов СССР закончилось обсуждение работ, выдвинутых на соискание Ленинских премий 1965 года: Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах в Москве, комплекса международного пионерского лагеря «Прибрежный» в Артеке имени В. И. Ленина и монографии профессора Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV в.в.». Наш корреспондент попросил ученого секретаря правления Союза архитекторов СССР К. Держинского рассказать об этих работах.

— На соискание Ленинской премии нынешнего года,— сказал К. Держинский,— выдвинуты выдающиеся произведения советского зодчества.

Авторы проекта и строители московского Дворца пионеров и школьников (архитекторы В. С. Егерев, В. С. Кубасов, Ф. А. Новиков, Б. В. Палуй, И. А. Покровский, М. Н. Хажакин, инженеры А. Е. Бер, Ю. И. Попов, М. С. Никитин) великолепно справились со сложной и ответственной задачей: создать крупное общественное здание совершенно нового типа.

На территории в полстени гектаров со сложным живописным рельефом воздвигнут большой архитектурный ансамбль, включающий до 400 помещений: учебные комнаты и комнаты для кружковых занятий, помещения для мастерских и выставок, киностудию, обсерваторию, лекторий, залы для игр и отдыха, пионерский театр, концертный зал на тысячу человек и многие другие. Удобная композиция плана позволяет без труда найти любое помещение.

Свежесть и новизна архитектурного замысла, гармоничное единство фасадов, интерьеров и окружающего ландшафта, органическое включение в архитектуру элементов монументального искусства — все это создает выразительный образ сооружения.

Замечательным архитектурным ансамблем пополнился и знаменитый Артек.

Авторы нового пионерского лагеря «Прибрежный» архитекторы А. Т. Полянский, Д. С. Витухин, инженер Ю. В. Рацкевич, как и создатели московского Дворца пионеров, тоже, бесспорно, талантливы.

Используя типовые сборные железобетонные конструкции, они создали удивительный по своей художественной выразительности и в то же время экономичный и удобный ансамбль детского оздоровительного комплекса.

Красиво расположенные, легкие и нарядные сооружения лагеря с первого взгляда вызывают у ребят отличное настроение. Здесь есть все для отдыха: великолепные спортивные площадки, отлично оборудованные помещения для любителей всех родов искусств.

Капитальный труд профессора Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV в.в.» — итог многолетних научных исследований выдающегося советского историка, искусствоведа и археолога. На основе большого фактического материала Н. Н. Воронин в хорошей литературной форме сумел по-новому осветить один из важнейших этапов многовековой истории русского зодчества.

Игорь МОИСЕЕВ: СТО ДЕСЯТЬ ПРИВЕТОВ

Начавшиеся недавно зарубежные гастроли Государственного академического ансамбля народного танца СССР во многом отличны от всех предыдущих: здесь, в Монреале и других городах Канады, была показана новая программа ансамбля. Наш корреспондент Анна Илупина позвонила в Ванкувер и попросила руководителя ансамбля народного артиста СССР Игоря Моисеева рассказать, как проходят гастроли.

— Премьера в Монреале прошла блестяще. Перело мной — груда газет. Вот одно из заглавий: «Как это ни удивительно, они стали еще лучше»... Для нас, выехавших за границу впервые после присвоения ансамблю звания академического, подобные признания особенно приятны.

— В чем особенности вашей новой программы?

— Наша новая программа называется «Дорога к танцу». Ее протяженность более часа. Для одного отделения концерта огромное сценическое время! Но мы стремимся, чтобы время это прошло незаметно для зрителя. Мы решили открыть все свои «производственные секреты»: показать, из каких элементов рождается танец, как из отдельных деталей складывается русская пляска и украинский танец, узбекский пахта и польский оберек... Начиная с ежедневного обязательного экзерсиса в тренировочном классе, куда наши артисты являются рано утром, точно так же, как артисты классического балета, и до сложнейших композиций — вот «амплитуда» нового представления. Упражнения перемежаются с фрагментами танцев. Артисты в тренировочных костюмах, оснастив их лишь минимальными (но самыми характерными) деталями, вроде венков и лент девушек и пурпурных кушаков их партнеров в танце, как бы вводят зрителя в нашу творческую лабораторию, дают ему возможность присутствовать при рождении танца.

Нам часто задают за границей ставший уже стереотипным вопрос: как добиваетесь вы такой четкости исполнения и выразительности? Как приходите к мастерству?

«Дорога к танцу» отвечает на этот вопрос. Программа знакомит со сложностями нашей работы, работы, требующей огромных затрат физической, нервной, интеллектуальной энергии.

— В каких городах вы показывали «Дорогу к танцу»? Много ли выступлений у вас впереди?

В Монреале, Виннипеге, Эдмонтоне, Ванкувере.

— Из Ванкувера мы почти на три месяца уезжаем в США, затем снова возвращаемся в Канаду, но уже в другие города, и в начале июля прилетим в Москву.

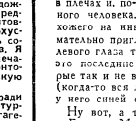
— Что передать нашим читателям?

— Сто десять приветов: по одному от каждого участника нашей поездки. Передайте также, что мы очень рады успеху и очень хотим как можно скорей показать «Дорогу к танцу» своим соотечественникам.

Над чем работает...

Сегодня исполняется 60 лет известному датскому писателю Хансу Шерфигу, автору романов «Скорпионы», «Пропавший чиновник», «Загубленная весна», «Замок «Фрюденхольм» и повести «Пропавшая обезьяна», изданных в нашей стране. Наш корреспондент С. Тарханова позвонила в город Фредериксберг (Дания) и, поздравив писателя от имени читателей «Литературной газеты», попросила рассказать, над чем он сейчас работает.

Ханс ШЕРФИГ



— Сейчас я работаю по моей второй профессии — как художник. Готовлю декорации к предстоящей постановке лермонтовской драмы «Маскарад» в Орхусском театре. Ставит спектакль советский режиссер С. Майоров. Я стремлюсь передать дух замечательного произведения Лермонтова, его социально-критическую направленность.

Не думайте, однако, что ради живописи я забросил литературную работу. На днях в Копенгагене выходит в свет сборник моих эссе, посвященных вопросам политики, идеологии и культуры. В него вошли такие некоторые статьи, опубликованные в свое время в «Литературной газете».

Издательство «Фольдендаль» готовит к печати мою книгу о Советской Киргизии, где я побывал летом минувшего года. Книга иллюстрирована моими собственными рисунками.

Каковы мои дальнейшие творческие планы? Я задумал большой роман, работа над которым еще только началась. Мне трудно сейчас подробно рассказывать о нем, скажу лишь, что и в этой новой книге я затрону проблемы современной политики и культуры. Ближайшие годы будут отданы работе над этим романом.

ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С КАЗАХСКОЙ И КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРАМИ

На днях в Союзе писателей СССР состоялись первые рабочие совещания Советов по казахской и киргизской литературам. Советы обсудили ряд организационно-творческих вопросов, связанных с изданием произведений казахской и киргизской литератур в Москве, о практикой художественного перевода и т. д.

Председателем Совета по казахской литературе избран К. Нерминин, заместителями — З. Кедрина, М. Львов, К. Алтайский.

Председателем Совета по киргизской литературе избран К. Горбунов, заместителями — И. Волобуева и С. Полеткова.

1945—1965

Здравствуйте, Георгий Титов!

К. ГРИГОРЬЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НА СЛЕДУЮЩИЙ день после опубликования очерка П. Павленко «История Георгия Титова» в корреспондентский пункт «Литературной газеты» в Киеве позвонили из Партийной комиссии при ЦК Компартии Украины:

— А мы вас порадуем: Титов жив! Адрес его такой...

И вот: самолетом — до Запорожья, междугородним автоэкспрессом — до Мелитополя, маленьким автобусом — до села Кирилловка, где расположена усадьба рыбколхоза с неожиданным названием «Сыны моря», и уже на колхозном «газике» вдоль морского побережья — в поселок Степок. Три десятка аккуратных домиков, телевизионные антенны над ними, в рядом неприветливое для южанина море, по которому можно хоть на коньках кататься — Азовское море, скованное льдом. Здесь он живет.

— Здравствуйте, Георгий Титов!..

И сразу должен сделать небольшое примечание. Титова зовут не Георгий Константинович, а Георгий Михайлович. Очевидно, Петр Павленко в самом начале их знакомства неправильно записал отчество Титова, а называл он молодого лейтенанта Георгием. Так что произошла маленькая ошибка. Бывает...

Почему-то Титов представлялся мне человеком невысокого роста. Увидел же я высокого, широченного в плечах и, по-видимому, очень сильного человека. И уж никак не похожего на инвалида. Только внимательно приглядевшись, заметил у левого глаза темно-синие точечки — это последние частички тола, которые так и не вышли за двадцать лет (когда-то вся левая часть лица была у него синей от взрывчатки).

Ну вот, а теперь начнем рассказ о Георгии Михайловиче Титове.

46-Й ГОД... Вы помните, что Титов, демобилизовавшись, прибыл в Севастополь. Встретили его, воскресшего из мертвых, как героя, как только может встретить братство моряков. Потом его принимал член Военного Совета Черноморского флота. Потом, поскольку первое представление на Титова о присвоении ему звания Героя Советского Союза так и не попало на Большую землю, командование флотом уже вторично возбудило ходатайство о присвоении ему высшей боевой награды. Увы, в то время к людям, попавшим в плен, хотя бы они и совершили героические поступки, было особое отношение. Это и помешало Титову получить заслуженную Золотую Звезду. Командование флотом предприняло еще одну попытку. Но из Москвы последовал ответ: награждайте своими правами. А самая высокая награда, какой имел право награждать командующий флотом, был орден Красного Знамени.

Так Георгий Михайлович Титов за личную храбрость и умелое руководство боевыми действиями десантной группы в районе Эльтигена был удостоен ордена Красного Знамени. Одновременно ему вручили и орден Отечественной войны, которым он был награжден еще в декабре 1943 года за участие в Новороссийском десанте и не успел тогда получить, ибо «пропал без вести».

Друзья рассказали Титову, что над одной из братских могил в районе, где действовал десант, была дощечка с фамилиями погибших, а среди них — лег Герой Советского Союза Г. Титов».

К этому времени относится и знакомство героя с Петром Андреевичем Павленко. Инициатором их встречи была редакция флотской газеты «Красный черноморец». Писатель много слышал о подвиге бесстрашного лейтенанта и пригласил его к себе в Ялту, где они провели вместе почти двое суток. Петр Андреевич собирался написать два очерка о Титове. Один — в газету черноморских моряков («Нужно, чтобы флотская молодежь уже сегодня, по свежим следам, читала и знала, как сражались старшие братья»,— подчеркивал он), а второй — более пространный рассказ — для книги, которую задумал посвятить героям Черноморского флота.

Между тем перед Титовым встал вопрос: как жить дальше? Прошло несколько месяцев, которые он провел в дружной семье военных моряков, но надо было уже подумать о работе, о постоянном месте, да и вообще о новой послевоенной жизни. Было ему тогда 25 лет, а в Харькове его ждала Галя — девушка, с которой он познакомился в 1945 году, когда помогал нашим органам репатриации в Западной Европе. Следовало бы, наверно, отдельно написать и о том, как Титов после войны ездил по европейским лагерям, собирая наших военнопленных и тех, кого угнали туда на работу, как помогал он им возвратиться на Родину; и о самой Гале, которую фашисты в 1942 году вывезли в Германию, а там, на рынке, в небольшом городке, какой-то мещанин купил ее за 25 марок для работы в своем хозяйстве.

Итак, весной 1946 года — решено: «прощай, любимый город». Титов уезжает на Севастополь, забирает из Харькова Галю, и семья устраивается в рыбколхозе «Сыны моря» — в том самом, где до войны, вернее, еще до армии Георгий работал судоводителем и где мы с ним разговариваем сейчас, весной 1965 года. Разговариваем второй день. Галина Семеновна пока жарит на кухне свежих бычков, которых принес только что Валерий (в свои 16 лет он такой же заядлый рыбак, как и отец). Старшая дочь Алла помогает матери, а пятилетняя Света с нетерпением ждет, когда мы закончим наш бесконечный разговор и дадим ей, наконец, возможность спеть «Венок Дружбы»...

Может показаться, что так, начиная с 1946 года и по сей день, тихо и мирно живет-поживает эта хорошая семья на берегу спокойного Азовского моря, не зная ни бурь, ни волнений. О нет, не гладко сложилась судьба Георгия Титова — и на войне, и после нее. Да и сам он, по своему характеру и с его бьющей через край энергией, далеко не тот человек, который ищет покой.

В рыбколхозе он пробыл не очень долго: прорыбачив путину, потом перешел на работу в школу, сначала вожатым, затем «временным» директором. Шел трудный 1947 год, у них даже угла своего не было, а тут еще появился ребенок, — и Титовы решили переехать на родину Галины Семеновны, в Харьковскую область.

В Ново-Николаевке Титов работал в школе преподавателем физкультуры, черчения и рисования. Ну, скажем, физкультура и военное дело — понятно, это все-таки связано с его военной профессией. А черчение? Рисование? Черчением он увлекся, когда был до войны курсантом учебного отряда подводного плавания. Рисованием занимался еще с детства. А главное — с

(Окончание на 2-й стр.)

героическая летопись

ЛОКОТЬ К ЛОКТЮ

ГОРОД Хелм мы приехали для четверых дня после того, как его освободили от гитлеровцев.

Хелм был как бы дверью в Польшу. Двухцветные польские флаги висели на выщербленных пулями домах, в окнах мансард и на башнях костелов. Всюду мелькала написанная мелом или вырезанная ножом буква «V» (victoria) — знак победы, сопротивления. Стояли побитые, простреленные, сожженные городские деревья.

Но мелочные лавчонки уже торговали, здесь можно было купить соду, нажданную бумагу и самописку «пеликан». Извозчики с длинными бичами, в картузах, в сапогах с высокими задниками уже взывали на площади, ища пассажиров. Люди ходили по улицам, распевая песни вольности. У женщин были двухцветные банты в волосах.

И по дороге в Люблин в каждом селе, которое мы проезжали, тоже гремели песни, гудел в ностальгах орган, и когда наша машина задерживалась для починок (а они были ей необходимы всегда), то ее окружали, обнимали нас, восторгались Советской Армией...

В Люблин мы приехали днем. Части Войска Польского вошли в него вместе с советскими войсками. Много повидал я военных парадов на своем веку, много воинских наград с точными интервалами между рядами, с четкой чеканкой шагов, но ничего подобного я никогда не видел и, наверно, не увижу. Шла с восточной польская армия, пропыленная, фронтовая, в конфедератках, в боевых гимнастерках с медалями и орденами, шла под музыку, с автоматами за спиной, в сапогах, башмаках и обмотках, много бывших в употреблении. И тут же, в той же массе военных, двигались фронтовые лошадки с цветами в гривах, танцующие повозки с ротным добром. А за повозками шел оркестр, игравший Шопена, Венявского. В оркестре были не только трубы, но и скрипки — откуда только они взялись!

Первые дни освобожденного Люблина. Советские и польские солдаты, жители города на концерте ансамбля песни и пляски 1-го Белорусского фронта.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ
Фото Михаила ТРАХМАНА

Сверху, с крыш, окон и балконов, летели букеты, с тротуаров тоже летели букеты: цветы были в ленточках, белое с красным, а на перекрестке двух больших улиц держали за руки человека, у которого на груди висела табличка «капо» — лагерный надсмотрщик, предатель, — пусть посмотрит, счастье, на народное ликование, на торжество. И ужаснется тому, что его, негодяя, ждет!

Это был Люблин — город, который вы видите здесь, на снимках.

Но долго еще потом, за Люблином, а затем и дальше, на подступах к Висле, шла тяжелая битва, горели села, леса, рушились города. И рядом (а бывало — из одного окопа) шли в атаку на гитлеровцев советский и польский солдат, рядом спали, рядом ели и падали рядом, обливаясь кровью.

Помню я польскую Прагу — ту часть Варшавы, что отделена от нее рекой. Прага была тогда в наших руках, а Варшава — у Гитлера. Я помню берег Вислы, весь в проколоне, в окопах, шорох дальнобойных снарядов, летевших от нас к немцам и от немцев к нам, и бескрайнее зарево, чудовище по ночам над восставшей Варшавой...

И я помню день, когда наши войска вступили в Варшаву. Все было в развалинах, дымно и пусто, и только редкие люди в польских кацетках и в летних плащах, повязанных ремнями, бродили среди обломков того, что было когда-то Маршалковской, Новым Святом и рынком Старого Мяста.

Но уже на другой день вышли люди с лопатами, правда, еще очень немного людей, и начали разгребать проходы, проезды. И уже зажемились пешеходные тропы среди кирпича, тропки да стежки, петлявшие между развалин. И, кажется, уже тем же вечером открылась в подвале обрушившегося дома первая варшавская кавярня. Люди сидели на необструганных досках, поставленных на кирпичи, и пили кофе — эрзац эрзаца, — держа на коленях чашки, потому что не было в этой кофейне столов. Все мужчины были в плащах, повязанных ремнями, а женщины с белокрасными лентами в волосах. Играл аккордеонист. А когда входил советский солдат или офицер, все вставали и обнимали его, а после хором пели «Матюшу».

Да, она пришла сюда, наша родная «Катюша», и «Синенький скромный платочек», и «Соловьи-соловьи...» И все, что пелось хором и в одиночку по окопам и блиндажам в эти грозные годы. А через несколько дней, проходя по бывшей (и будущей) Аллее Брозялинской, я слышал, как каменщики, латавшие уцелевший дом, пели мне: «от тебя далеко, далеко на польском языке — правда, всего одну строчку на весь мотив».

Варшава была в руинах, днем город в центре пустынным — проносились только военные машины, а по вечерам — просто нельзя было толку взять, откуда появлялись толпы, и на улицах, обозначенных с обеих сторон развалинами, гуляли мужчины, женщины, прыгали со скакалками девочки. А на кирпичах, среди рухнувших стен, сидели старики и влюбленные.

Пусто было только в неразрушенной части города, на Аллее Уяздовской, где в дни оккупации ниши гитлеровцы. Сюда не шел народ — ни днем, ни по вечерам. Звонко причали птицы, качались под ветром деревья, и наш проводник, аптекарь с улицы Хмельной, показывал нам: тут было гестапо, тут расстреляли 30 поляков, а тут был убит начальник гестапо — здесь вот, на этой мостовой...

И снова на запад, от Варшавы и границе Германии. Опять битвы за города, леса и холмы, и вот уже нет гитлеровцев на польской земле и кто-то пишет на доме, стоящем у самой границы: стрелка направо — Германия, стрелка налево — свобода.

Первый день новой Польши!

Нет, не все было легко и просто в эти первые дни. Польша прошла еще один перевал своей трудной истории. Впрочем, есть ли страна, у которой жизнь, история — проста?

Миновали те страшные, но незабвенные годы, и теперь, когда оглядываешься на пройденное, понимаешь, что, сколь ни сложна жизнь народов, в ней есть все то, что есть в каждой жизни: есть солнце и мрак, покой и гнев. Но есть и фронтовое братство.

Да, оно есть, и локоть к локтю идут вперед и вперед два наших народа — народы-фронтовики, — принесшие немало жертв, проливших немало крови во имя свободы.

наш современник

СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

К. АЛЕКСЕЕВ,
следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР

ВАС вызывает следователь... Каждый раз, подписывая повестку с вызовом, я невольно представляю, что перед ним сидит человек, получив эту канцелярскую бумажку. Один знает, о чем пойдет речь, и прорабатывает какой план, как отвертеться. Другие чувствуют никакой вины, но тоже взволнованы, обеспокоены, зачем он следователю понадобился. И, наверное, каждый, пытаясь мысленно заскакать вперед, рисует в своем воображении обличие «грозного» будущего собеседника...

Приходит и видит за столом Зою Касьяновну Шейкину, внешний облик которой ну ничем, буквально ничем не напоминает того воображаемого собеседника. И голос без «металла», да и сам стиль допроса никак доброй не напоминает. Конечно, Зоя Касьяновна интересуется какими-то деталями, уточняет обстоятельства, устанавливает взаимосвязь событий — делает все, что положено. Но ее манера разговора так непосредственна, свободна, легка, что порой выглядит проявлением чисто женского любопытства. При этом остается следователь с четкой, продуманной гибкой тактикой. Следователь талантливый, раскрывавший за свою практику такие дела, что ахали и разводили руками бывалые прокуроры.

Я наблюдаю за Зоей Касьяновной десять лет. И на примере ее практики лишний раз убеждаюсь, как неправы те люди, которые считают, что следователь — это холодная совокупность знаний, криминалистических навыков и формального гражданского пафоса. Да, конечно, главное — это строжайшее соблюдение законности и процессуальных норм. Но следователь — человек, и в его работе отчетливо проявляются все особенности, все обертоны индивидуального характера.

Дело, о котором я хочу рассказать для подтверждения этой мысли, Зоя Касьяновна Шейкина провела давно, еще до того, как была назначена следователем по особо важным делам при Прокуроре РСФСР.

...ПРОПАЛ трехлетний Вовка. Мать, одинокая женщина с неустроенной судьбой, обратилась соседям, что отправила сына «в Тамбов к родственникам». Те заподозрили неладное и сообщили в милицию. Проверили. В Тамбове никакого Вовки не оказалось. Женщину, давшую путаные объяснения, арестовали, а следствие по делу о пропаже мальчика поручили молодому юристу Шейкиной.

При первых же допросах Зоя Касьяновна поняла, что мать лжет, что ложь — и Тамбов, и детский дом, куда «кукушка» якобы забросила мальчика. Проверить подтвердила подозрения — в этот период «подкидышей» в детских домах области не было. Но почувствовала Зоя Касьяновна и другое: что не так уж все порочно в душе этой женщины, что захлестнуло ее какое-то сильное, может быть, раскаяние. Понять это неведомыми интуитивными путями могла только женщина, и, пожалуй, именно такая, как Зоя Касьяновна — увлекающаяся, умеющая сочетать своевольную, неожиданную идею с трезвым расчетом. Должна добавить, что работать в нашем деле только с помощью холодной логики, без способности к «вспышке» трудно.

«Вспышка» была такой. Если ребенок жив, то надо не только найти его и изобличить преступницу, хотя закон и за это скажет огромное спасибо. И не только вернуть маленького человека обществу. А что если вернуть его матери, пробудить в этой женщине, которая по всем следственным документам кажется чудовищем, материнские чувства? Невероятно!

Если ребенок мертв, детоубийца ответит по закону.

Зоя Касьяновна, как бы поверив в версию о детском доме, не спешила разоблачать ложь этой женщины. Вместе с ней и двумя конвойными она стала обьезжать детские дома Подмосковья. При этом Шейкина пристально, напряженно наблюдала. Она словно «слушала» с подследственной. Она чувствовала: и эта преступная мать хочет поверить, что Вовка жив.

Побывали они в разных уголках области. А вот возле Н-ского поселка «кукушка» выдала себя. Чем именно, трудно сказать: то ли выглядела подавленной, то ли невольно проявила знание места, то ли не хотела так быстро отпуска уезжать. То ли еще что-то подсказало Шейкиной — здесь!

Следователь пустилась в поиски. Была в милиции, беседовала в поселковом Совете, расспрашивала общественников. И когда Шейкина, уставшая от бесцельных хождений, присела в столовой перекусить, она из официанток рассказал, что ее соседи-старички недавно нашли в лесу голубоглазого мальчишку. Это был Вовка.

Камень свалился с души. Живехонький шустрый мальчуган сделал Шейкину счастливейшей женщиной, хоть и не был ее сыном.

Матери о находке не сообщали. Первое время мальчик жил у Зои Касьяновны дома. Она готовилась к той завершающей части задуманного плана, которую формально закон от нее не требовал. Но требовал человеческий долг.

План был жесток. Но и страшна, чудовищна была духовная болезнь матери, бросившей сына в лесу.

И опять-таки могу поручиться, что только женщина могла изобрести подобную психокнуртину.

Шейкина сфотографировалась вместе с Вовкой и отправилась в тюрьму.

— Вы и теперь не жалеете, что бросили сына? Ведь детский дом — это все-таки чужие руки. Вам уже перевалило за тридцать. Знаете, один писатель хорошо сказал: «...если к сорока годам комната человека не наполняется детскими голосами, то она наполняется кошмарами».

Женщина молчала. Но это было не равнодушие, а полуобморочное молчание. И тогда Зоя Касьяновна, сжав в комок острую, неножную сейчас жалость, нанесла последний удар.

— А вот у меня есть сын, и мне с ним хорошо!

На столе лежала фотография.

Женщина побледнела. Вплавь глазами в снимок и закричала:

— Неправда! Это мой сын! Я никому его не отдам!

И забилась в истерике.

Оправившись, она рассказала все. Как мечтала, с которым она намеревалась связать свою судьбу, поставила условие: «Только если отделешься от ребенка...» Как не помогли никакие мольбы и уговоры. Как она бросила трехлетнего Вовку в пригородном лесу.

Сейчас эта женщина давно уже возвратилась из заключения. Сына ей вернули. Наверное, мальчик никогда не узнает, какую борьбу вела за него «чужая тетя»...

РАЗНЫЕ ДЕЛА поручались Шейкиной. Никто в прокуратуре, естественно, не делал скидку на то, что она женщина. Ей приходится бывать в тюрьмах, разговаривать с трудными людьми. Ее терпению можно только поражаться.

Часто бывает в нашей работе такой момент, когда в динамике следственного поиска происходит своего рода затор. Движение упирается в стенку так, что, кажется, нет исхода, хоть головой бейся. Это драматичная минута. Тут-то характер человека проявляется сразу, как его ни прячь. Одни стискивают зубы и как бы камнеют. Другие принимают неведомый прорывистый вид, показывая — чепуха, мол, трыш-трава. А можно уйти в полный покой, освободить мозговые клетки хоть на денек, собрать силы для рывка.

Наша мужская профессия нисколько не подавила в душевную мягкость Зои Касьяновны. Поиск и «затор», она горюет так, что ее становится по-настоящему жалко, как человека, переживающего личную драму. Она ни о чем другом не может и думать. Я заметил, что, рассказывая всем нам о своих переживаниях, она ищет не столько совета, сколько сочувствия. Душевная слабость? Нет. Одержимость своим делом.

Есть люди, которые, «прогорев», охлаждаются. Это естественно, это реакция, защитная способность организма. Трудно всегда быть порывистым.

Может быть, придя домой из прокуратуры, из тюрьмы и надев домашние туфли, Зоя Касьяновна и отходит, становится вялой. Не знаю. Не думаю. Точнее, мне трудно представить это. Невозможно моментально выключиться из той сети высокого нервного напряжения, в котором она живет все время. Чувство справедливости, человечности — главные стимулы нашей работы — не сбросишь вместе с форменным кителем.

Здравствуйте, Георгий Титов!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

учительскими кадрами на селе было тогда туго.

Одним словом, в Ново-Николаевке Титов работал, как говорится, за двоих, а может быть, и за троих. Учителя легко пойдут это, если сказать, что нагрузка у него доходила до 42 академических часов в неделю. Но ему нравилась эта работа, он нашел себя в ней и уже подумывал о том, чтобы поступить в педагогический институт. Вот только времени все не хватало. В 1949 году принялся его кандидатом в партию, и тогда совсем уже не оставалось свободной минуты: то лекцию надо читать в колхозе, то выпускать стенгазету, то подготовить самодеятельность к олимпиаде, — а лучшего специалиста в этих делах, чем бывший офицер-десантник, в Ново-Николаевке не было.

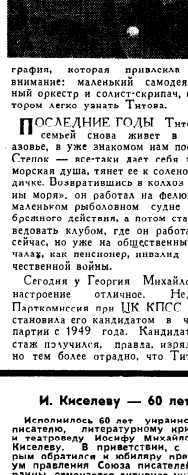
Впрочем, Титов был доволен тем, что так занят и что всем и везде нужен. Именно такая жизнь нравилась ему больше всего. В 1951 году коммунисты Ново-Николаевки приняли его в члены партии. Бюро райкома должно было утверждать решение сельской парторганизации...

В это время на Георгия Михайловича обрушился страшный удар. По ложному доносу его исключили из кандидатов в члены партии.

Тяжелая травма. Но и она не сломила Титова. Его поддержали товарищи. Ново-Николаевская парторганизация давала Титову только хорошие характеристики. Он, как и его друзья, верил, что справедливость восторжествует. Впрочем, он лучше, чем кто-либо другой, знал, что значит не потерять веру.

Как дальше сложилась жизнь Титова? Он продолжал работу. Говоря о его работе, я имею в виду не только учительство. Трудно сказать, какую профессию он считает для себя главной, сколько их у него, и непонятно, когда он успел всему научиться. Но кажется, что он умеет делать все. Во всяком случае, очень много.

Рыбак и судоводитель, учитель и плотник, строитель — и не просто, а, так сказать, на уровне десятника. Это с одной стороны. А с другой — пожалуйста, вот газеты, в которых опубликованы его рисунки и карикатуры, вот оформленные Титовым праздничные номера районных газет. Или вот эта фотография, которая привлекла мое внимание: маленький самодеятельный оркестр и солист-скрипач, в котором легко узнать Титова.



ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ Титов с семьей снова живет в Приазовье, в уже знакомом нам поселке Степок — все-таки дает себя знать морская душа, тянет ее к соленой водичке. Возвратившись в колхоз «Сыны моря», он работал на фелоге — маленьком рыболовном судне прибрежного действия, а потом стал заведовать клубом, где он работает и сейчас, но уже на общественных началах, как пенсионер, инвалид Отечественной войны.

Сегодня у Георгия Михайловича настроение отличное. Недавно Парткомиссия при ЦК КПСС восстановила его кандидатом в члены партии с 1949 года. Кандидатский стаж получился, правда, изрядный, но тем более отрадно, что Титов с честью выдержал и это испытание. Теперь его будут принимать в члены КПСС.

— Хорошо, что напечатали очерк Павленко, — сказал мне председатель колхоза «Сыны моря» Федор Петрович Кунчев. — Людям должны знать о таких героях.

Я тоже подумал: как хорошо, что писатель оставил нам эту повесть о неслыханной храбрости и мужестве молодого лейтенанта морской пехоты.

В записной книжке Петра Андреевича Павленко есть слова: «Мы долго не рассмеемся с... записями событий, которые остались нам рассказы военных дней, находя в них острую правду непосредственных впечатлений и скрытый жар боевого вдохновения, целительный и мощный».

В колхозе «Сыны моря» я видел, с каким волнением люди читали очерк Павленко, в котором есть и острая правда, и скрытый жар боевого вдохновения, и замечательный образ героя-черноморца. Люди поздравляли Титова, горячо жали ему руку и смотрели на него так, словно увидели его впервые.

Прощаясь с Титовым, я тоже долго жал ему руку. И вместо обычного «до свидания» мне очень хотелось на прощанье сказать ему:

— Здравствуйте, много лет здравствуйте, Георгий Михайлович Титов!

Поселок СТЕПОК — КИЕВ

СПОР ИДЕТ...

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

* ПУТИ И РАСПУТЬЯ ПРОГРАММИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Из-за чего ломаются копья?..

В. САВИНКОВ

ПОСЛЕДНИЕ годы среди педагогов и всех, кому не безразличны судьбы образования в нашей стране, все чаще и чаще раздается вопрос: «Правильно ли мы учим школьников и студентов?» Ответы на него могут быть различными, но в каждом сквозит пожелание, а иногда требование — учить лучше. Но что это значит — «лучше»? Каковы методы «улучшения» педагогики?

Один английский педагог как-то сказал: «Если бы инженеры строили мосты, врачи лечили людей, а юристы судили обвиняемых с такой склонностью к поверхностным обобщениям и таким отсутствием убедительных обоснований, какие мы встречаем порой в педагогике, то все мосты давно бы рухнули, пациенты умерли, а невиновные были бы повешены».

К счастью, это парадоксальное высказывание ныне уже не совсем верно: в древней, давно, казалось бы, освоенной педагогической науке явно намечаются приятные сдвиги. Традиционная медлительность, эмпиризм в исследованиях с трудом, с боями, кажется, уходят в прошлое. Правда, та же самая медлительность привела к тому, что до сих пор ответа на вопрос «как учить лучше?» педагогической наукой еще не дано.

И, естественно, когда в печати появились первые сообщения о программированном обучении как о новой реформе, — это не могло не привлечь внимание.

Сейчас, когда схлынула первая волна восторгов, рекламных статей и безответственных суждений, можно попытаться выяснить, что же такое программированное обучение?

Двенадцать лет назад американский психолог Б. Ф. Скиннер впервые описал метод управления процессом обучения, устанавливающий прямую связь между поведением ученика и последствиями этого поведения. Основой метода Скиннер считал четкую организацию подкреплений. Для этого весь процесс обучения он разбил на малые этапы, шаги. Каждый шаг непременно сопровождался подкреплением: для того чтобы проверить, правильно ли ученик «шагнул», ему задавались конкретные конкретные вопросы по пройденному материалу. Вначале Скиннер предполагал, что его метод войдет в практику только с помощью специальных обучающих машин. Однако впоследствии оказалось, что его программы можно применять в виде программированных учебников обычного вида.

Сейчас программированным обучением за рубежом занимаются многие педагоги и психологи. Каждый из них использует свой метод. Очень популярны за рубежом так называемые «смешанные книги». В каждой теме в них приведено несколько вариантов программ. Варианты различны по сложности. Ученик выбирает тот или иной вариант в зависимости от того, насколько полно, глубоко он усвоил материал данной темы или предыдущий материал. Программы «смешанной книги» могут быть заложены и в обучающие машины. Десятки фирм в различных странах мира специализируются на выпуске обучающих машин, составлении программ и программированных учебников. Французский центр программированного обучения сообщил недавно, что в ближайшие годы только для Соединенных Штатов потребуется 15—20 миллионов (!) обучающих машин.

СОВЕТСКАЯ педагогика заинтересовалась программированным обучением с начала 60-х годов. Всех нас порадовала тонкость и сложность проблемы, грандиозность открывающихся перспектив Изумляли цифры, взятые из статей, которые, как впоследствии оказалось, носили чаще рекламный, нежели научный характер. Началось повальное увлечение программированным обучением.

Наиболее пылкие его сторонники объявили даже о предстоящей в ближайшем будущем полной автоматизации обучения. Как бы в подтверждение этому по всей стране начали создавать сотни «обучающих» машин, появились десятки автоматизированных классов программированного обучения. И уже забеспокоились старые педагоги, опасались, как бы нашествие роботов не вытеснило из школы живое человеческое слово.

И тут начали выясняться малоутешительные, но любопытные вещи. При ближайшем рассмотрении оказалось, что «обучающие» машины выполняют, как правило, только функции контроля, а отнюдь не обучения. То есть они могут облегчить труд педагога как контролера учебного процесса. Правда, это совсем не мало: известно, какую важную роль играет контроль, например, в средней школе. Но ведь тот же самый контроль, пусть похуже, осуществляется и с помощью обычных методик. Значит, принципиальных, основополагающих изменений в педагогику «обучающие машины», по крайней мере пока нет, не вносят. А все мы так рассчитывали на это.

И тут мне хочется поспорить со статьей Л. Рыбака, опубликованной 19 января в «Литературной газете». Автор статьи, по его словам, попытался помочь читателю «осмыслить учебный процесс в новых понятиях». Уделишись внешней стороной дела, Л. Рыбак с восторгом описал и обучающие машины, и их результативность. Но сколько я ни вчитывался в текст, я так и не уловил, где же эти самые новые педагогические понятия. Уж не обратная ли это связь, которой Л. Рыбак посвятил большую часть выступления? Но ведь это все тот же контроль! Беда Л. Рыбака в том, что теорию обучения он подменяет системой мыслительных операций (с машинами и без), которая якобы поможет школе распрощаться наконец с положением «учили, учили — и не выучили».

К сожалению, подход Л. Рыбака — явление отнюдь не единичное. В последнее время в печати появились десятки «определений», а затем и «принципов» программированного обучения. Тут и расчленение учебного материала на дозы, и подача материала в логической последовательности (а как можно иначе?), и пошаговый контроль, и индивидуализация на основе контроля. Программированным назвали «индивидуализированное обучение с непрерывным контролем». Один из специалистов в этой области В. Беспалько утверждает даже, что программирование «позволяет учеб[illegible] весь учебный материал без опасения что-либо пропустить». Получается, что весь грех современной педагогики в том, что ученик что-то «пропускает». Каждое из этих определений, как видите, охватывает часть, и притом не главную, общей проблемы и не выделяет основ метода.

Различное толкование программированного обучения привело к смешению понятий, к настораживающей многоплановости работ.

И З-ЗА чего же ломаются копья? Что же действительно существенного и принципиально нового вносит программированное обучение в педагогику? Пытается ли оно от всех зол или лишь составная часть общего процесса развития педагогики?

Как это ни печально, но ответить на этот вопрос пока невозможно. Невозможно потому, что нет самого главного — единой теории обучения. И все трудности в педагогике происходят как раз по этой причине.

Правда, ученые все ближе подбираются к стенам этой до сих пор неприступной крепости. Собственно говоря, штурм идет с одной стороны — **как оптимально управлять процессом обучения.** И не внешне, как это предлагает Скиннер. Сущность его программированного метода раскрывается в опытах с голубями. Подложив голубю зернышко — голубь пошел за ним. Еще зерно, другое, третье. И голубь уже умеет ходить по кругу, восьмерке, «выполнять» любые фигуры. Но ведь обучение — это не хождение по кругам и восьмеркам. Это же и рассуждение, а управление умственными действиями. И формируются они у человека совсем не так, как у животных.

Программированное обучение может стать основным методом управления учебной работой только тогда, когда оно будет основано на строгих закономерностях процесса усвоения. Напрашивается вопрос, как же быть, если эти закономерности еще не открыты? Не следует, однако, забывать что в последнее время к многим исследователям выдвинут ряд интересных гипотез, которые требуют проверки. Не беда, если та или иная идея не подтвердится: вспомним, сколько гипотез «похоронили» физики, а от этого тайны атомного ядра не стали менее доступными. Другого пути для создания верной, конструктивной теории нет.

К сожалению, о взаимной связи программированного метода с конкретной гипотезой о закономерностях процесса усвоения забывают (или хотят забыть) люди, стоящие у истоков программированного обучения в нашей стране. Вызывает недоумение картина, которой так радужно нарисовал Л. Рыбак. Но чтобы все это было, надо немедленно объединить усилия психологов (и у них, пожалуй, здесь работы больше всех), педагогов, математиков и кибернетиков.

* Tabula rasa (лат.) — чистая чистое, нетронутое.

РАССКАЗ НАМ НЕ ПОНРАВИЛСЯ

С ВОЛНЕНИЕМ читаем мы, воины Советской страны, на страницах газет и журналов статьи, очерки, рассказы о бессмертных подвигах героев минувшей войны, о сегодняшних днях наших армии.

С понятным интересом отнеслись мы поначалу к юмористическому рассказу Виктора Конецкого «Невезучий Альфонс», опубликованному в «Литературной газете (№ 1, 1965 г.). Ведь в центре внимания автора оказались военные люди.

Но, прочитав «Невезучего Альфонса», мы испытали горькую досаду. Нам показалось, что изображенное в нем не имеет ничего общего с жизнью советских солдат. Автор собрал в кучу несколько сомнительных «армейских анекдотцев» под видом «юмора» преподнес читателю.

Герой рассказа — морской офицер. Но, честное слово, мы так и не поняли, отчадра взялся этот тип — Альфонс Кобылкин. О каком времени идет речь?

В. Конецкий постарался «осовременить» анекдотцы некоторыми характерными деталями. К нам принадлежат усатый таракан, который, попав в сигнальное устройство горизонтальной наводки, вызывает залп орудий главного калибра по флагманскому кораблю; ленинградский ([illegible]**, санкт-петербургский) ресторан «Восточный», где встречаются одинаковыми Альфонсы; веселенькая старушка, дымящая «Байкалом»...**

Герои Конецкого бьют фонарь, гранаты по беспечной голове, сам он швыряет в майора графином, подбрасывает в воздух генерала медицинской службы вместе со стулом и, наконец, женится на доброй вдове с тремя детишками...

Все это почему-то должно смешить читателя. Но, прав, это грубый, безвкусный юмор. Неужели у писателя, задумавшего юмористический рассказ о военных, не нашлось других слов, других красок?

Пусть автор рассказа познакомится с реальными фактами советских военных. И если он не пожелает сосредоточиться на героическом, то и для юмора найдутся факты и ситуации повастоящему смешные, а не взятые «с потолка».

Курсанты высшего военно-политического училища Советской Армии и Военно-Морского флота: М. ЧИКАЛИН, С. ЛЕВА, В. ОСИПОВ, В. СЕДОВ.

ЛЬВОВ

После реплики

«ОДНИМ МАХОМ!»

В «Литературной газете» (№ 21 от 18 февраля 1965 г.) была напечатана заметка казахского писателя, нашего корреспондента А. Алимжанова «Одним махом!». В заметке критиковалась передовая статья казахского журнала «Жулдыз» (№ 1, 1965 г.). Мы получили недавно ответ редколлегии журнала «Жулдыз», письмо, подписанное писателями С. Мукановым, З. Шашниным, С. Мауленовым, Г. Славным, М. Каратаевым, С. Сеитовым, С. Сарсгалиевым. Еще одно письмо направил нам главный редактор журнала С. Мауленов.

КРИТИКУ ПРИЗНАЮТ СПРАВЕДЛИВОЙ...

Смысл критических замечаний, адресованных журналу «Жулдыз», будет достаточно ясен читателю, если процитировать выдержки из первого письма — коллективного.

Редколлегия журнала «Жулдыз» соглашается с тем, что в передовой статье январского номера «имеются некоторые недостатки, в том числе и те, о которых говорится в статье тов. Алимжанова». «В частности, нами не сделан краткий анализ состояния казахской литературы за прошедший год», «в слишком общей форме сказано о росте казахской литературы...» (между тем передовая статья называется «Новый год — новые задачи» и целью своей имела подведение литературных итогов 1964 года). «Мы, — продолжает редколлегия «Жулдыз», — принимаем упрек «Литературной газеты» и в том, что не следовало бы обобщать единичные факты халтуры в области перевода и лучше было бы указать на совершенно конкретные случаи. Согласны мы и с тем, что в передовой статье чохом, неправомерно обвиняются редакции московских литературных журналов в невнимании к Казахстану».

Казалось бы, вопрос исчерпан и можно было бы надеяться на то, что журнал «Жулдыз» в дальнейшей работе постарается учесть товарищеские замечания. Однако такая надежда тускнеет, когда начинаешь читать вторую половину письма, где редколлегия журнала решает перейти от согласия с критикой к «нападению» на критикующего.

КТО КОГО СТАВИТ В «НЕУДОБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»?

В коллективном письме утверждается, что «г. Алимжанов переходит к выпадам, которые, что он, будучи корреспондентом «Литературной газеты», «должен быть более объективным в освещении литературной жизни республики».

Еще более категоричен — в своем индивидуальном ответе — главный редактор журнала С. Мауленов.

Отворачиваясь, что «тов. Алимжанов, может быть, тоже в чем по-своему (?) прав», С. Мауленов квалифицирует реплику уже как «сугубо субъективную», сетует на то, что пот. мой, корреспондент «ставит опять (!) в неудобное положение уважаемую нами «Литературную газету».

Нам, в коллективном письме редколлегии журнала «Жулдыз», в том числе и его главный редактор, «почти» существенное признают в реплике справедливым, а в индивидуальном письме главный редактор полностью поддерживает выступление «Литературной газеты».

Где же логика? И что кого ставит в неудобное положение, товарищ С. Мауленов?

Отсутствие у оппонентов А. Алимжанова объективности в изложении фактов вызывает глубокое сожаление. Еще один пример... В «атакующей» части письма редколлегии журнала «Жулдыз» утверждается, что А. Алимжанов обвиняет журнал в неуважении к русским литературам, мало того, как бы пытается «вбить клин между нами и нашими друзьями». Товарищи из «Жулдыз» энергично заявляют: «Мы категорически отметаем этот навет на нас и на наших друзей. В нашей передовой черным по белому написано, что казахская литература вырослa благодаря помощи русских писателей. И у нас в передовой уважительно называются фамилии Фадеева, Тихонова, Соболева».

Помилуйте, зачем подменять один вопрос другим?

Никто не сомневался в том, что журнал «Жулдыз» уважает русских писателей. Общественно и то большое уважение, которое питают русские литераторы, все литераторы нашей многонациональной страны к казахской литературе. Речь в заметке шла совсем о другом — о переводах с казахского языка на русский. Напоминая редакции журнала о том, что в последнее время (ведь передовая статья посвящена была итогам года!) переводом с казахского занимались отнюдь не один только «халтурщики», мы не гнались с тем неправомерным тезисом статьи, о котором сама редколлегия «Жулдыз» в коллективном письме в «Литературную газету» заявила: «не следовало бы обобщать **единичные факты** халтуры в области перевода». Только это и имелось ими в виду!

С. Мауленов в индивидуальном письме **в «Литературную газету»** пишет, что «переводное хозяйство перешло в большинстве случаев в руки погонщиков за гонораром». Но это обобщающее его утверждение дословно повторяет тезис передовой статьи журнала, тезис, который признан редколлегией журнала неправомерным.

Так кто же после всего сказанного «перехлестывается»?

О ПЕРЕЖИТКАХ «ГРУППОВЩИНЫ» И ОБЪЕКТИВНОСТИ КРИТИКИ

Редколлегия «Жулдыз», прямо скажем, не скупится на «перехлесты». А Алимжанова она обвиняет в том, что он, по существу, выступает против тех мер ЦК КП Казахстана, которые были предприняты в прошлом году и сыграли оздоровляющую роль в литературной жизни республики.

Будем говорить прямо: мнение это редколлегия «Жулдыз» относит не только к корреспонденту газеты, но и к газете в целом. Как раз на это обстоятельство «намекал» С. Мауленов, скорее о том, что вот, мол, корреспондент «опять» подвел «уважаемую нами «газету».

Разобраться во всем этом важно потому, что здесь мы сталкиваемся с вопросом, который выходит далеко за рамки обсуждения реплики «Одним махом!».

поздравляем юбиляров

Николаю Ардену — 75 лет

«Сердечно приветствуем Вас, дорогой Николай Николаевич, известного критика и литературоведа, талантливого исследователя творчества Л. Н. Толстого, в день Вашего 75-летия. Примите наши самые добрые пожелания». Такую телеграмму секретариат правления Союза писателей РСФСР направил литературоведу и критику Николаю Николаевичу Арденсу, отметившему на днях свое 75-летие.

И. Киселеву — 60 лет

Исполнилось 60 лет украинскому писателю, литературному критику и театроведу Иосифу Михайловичу Киселеву. В приветствии, с которым обратился к юбиляру президиум правления Союза писателей Украины, отмечается активное участие И. Киселева в литературной жизни республики. Его книги «Конфликты и характеры», «Театральные портреты», «Эпическая поэзия», «Герой и обстоятельства», «Первые запевалы» — глубокое и обстоятельное исследование важнейших этапов украинской литературы и театрального искусства.

Правление Союза писателей СССР горячо поздравило юбиляра, пожелав ему доброго здоровья и творческого долголетия.

* * *

«Литературная газета» присоединяется и этим теплым поменланним.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

БЕЗ ЯСНОГО АДРЕСА

Б. БЯЛИК

У НАС есть все основания гордиться осуществленными в нашей стране изданиями классиков художественной литературы. Многие из этих изданий, потребовавшие огромного труда литературоведов, текстологов, редакционных работников, могут быть с полным правом названы образцовыми. Это относится и к академическим изданиям собраний сочинений (включая в себя все созданное классиком, все редакции и варианты его произведений), они дают научную основу для изданий иного типа), и к другим—адресованным широким слоям читателей. Большим достижением нашего литературоведения и наших издательств надо считать именно выработку разных типов таких изданий, решающих разные задачи.

Но с некоторых пор стала все чаще и все настойчивее проявляться тенденция, сводящая это достижение на нет. Все чаще стали выходить издания классиков, которые невозможно отнести ни к одному из выработанных научной типов, — издания без ясного профиля и без точного адреса, рассчитанные вроде бы на всех и не удовлетворяющие полностью никого, решающие понемногу все задачи и не решающие до конца ни одной.

Приведу один пример, который потребует отступления в прошлое.

Когда И. А. Груздев готовил последние прижизненные издания собраний сочинений Горького, он хотел увеличить в этих изданиях число ранних произведений писателя и ввести в состав собрания его стихи. У Горького эти намерения вызвали решительное возражение. Даже отдельные сборники своих ранних рассказов, не вошедших в собрание сочинений, он запретил издавать до его «перехода в потустороннее местонахождение». Нельзя, конечно, согласиться со словами Горького об этих рассказах как о «решительно никому не интересных, кроме, конечно, историков литературы, которые, я уверен, не все окончатся прежде нежели (до центральной комиссии тридцатитомного издания, я несу за такой подход к делу свою долю ответственности.

Слабой стороной этого издания, имевшего в целом очень большое значение, была недостаточная продуманность его состава.

В I томе указывалось, что в издание «вводится около 150 художественных произведений (свыше 100 авторских листов), опубликованных в газетах, журналах, сборниках, но никогда ранее не входивших в собрания сочинений». Стало ли после этого собрание полным? Отнюдь нет! При включении ранних произведений производился отбор, носивший порой весьма субъективный характер. Более того: в новом издании не оказалось отдельных произведений, которые включал в свои собрания сочинений сам Горький, например, не оказалось одного из его замечательнейших литературных портретов — «Леонид Андреев». Так или иначе, а 150 произведений были введены в новое издание, вопреки ясно выраженной авторской воле. И при этом было нарушено продуманное Горьким построение собрания сочинений, в частности были разбросаны по разным томам литературные портреты, которые сам он сконцентрировал в одном томе.

В каком случае такие нарушения были бы оправданными? В том, если бы новое издание было академическим, если, в том числе, снабженным вариантами, научным аппаратом и т. д. Но оно таким не было и не могло быть. Его тираж — 300 000 — свидетельствовал о том, что оно было предназначено для самого широкого круга читателей, в том числе для тех, что по молодости лет впервые обращался к творчеству великого художника слова, впервые знакомился с ним.

Такое первое знакомство может стать первой любовью, а иногда и любовью на всю жизнь! Но как редко это происходит, если мы перестаем считаться с тем, какими хотели предстать перед читателями свои собраний сочинений сами классики. Когда читатели конца прошлого века брали в руки первые сборники произведений Горького, они находили в этих сборниках рассказы, которых потом не могли забыть, — «Челкаш», «Песня о Соколе», «Сныки рады», «Супруги Орловы» и др. Когда через полвека читатели открывали тома тридцатитомного издания, они находили эти же шедевры, но отделенные друг от друга многими произведениями меньшей силы и меньшего значения — «очерками», «картинками с натуры», «эскизами», которые Горький каждодневно писал для газеты и к которым он, однажды их напечатав, уже ни разу не возвращался позднее.

Я хочу подчеркнуть значение последнего обстоятельства. Произведения, отобранные самим Горьким, отличаются от других не только тем, что он отдал им предпочтение. Отобрав произведения для своих сборников или для собраний сочинений, Горький обычно подвергал их правке, а иногда и коренной переработке. В I томе тридцатитомного издания рядом помещены рассказы «Два босяка» и «Мой спутник», «О мальчике и девочке, которые не замерзли» и «Песня о Соколе». Они помещены рядом потому, что их первые публикации относятся к одному году и к одному времени. Но рассказы «Два босяка» и «О мальчике и девочке...» сохранились в том самом виде, в каком они были опубликованы в 1894 году, а «Песню о Соколе» и «Моего спутника» Горький переработал в 1898 году, готовя первое издание «Очерков и рассказов», а затем — в 1899 году, готовя второе издание их, затем — в 900-е годы, готовя собрания своих сочинений, в последний раз — в 1922 году для соорания сочинений в издательстве «Книга». Специалистов-литературоведов, знающих творческую историю каждого из этих произведений, не смутит их стилевая разнохарактерность. В академическом издании эти произведения, естественно, окажутся рядом друг с другом — соответственно времени их создания. Но разве не правильное было бы (по многим соображениям) в издании, рассчитанном на читателей-неспециалистов, дать произведения, отобранные самим автором и прошедшие затем сквозь многократную художественную переплавку и шлифовку, а остальные (учитывая желание части читателей иметь все без исключения сочинения писателя) включить в **дополнительные тома** или **отдельные сборники** с пометами, соответствующими реальным потребностям в этих сборниках и томах?

Я вспоминаю о прошлом, думая о настоящем и близком будущем — о столетии со дня рождения Горького. 1968 год — не такая уж далекая дата, особенно если учесть обычные темпы подготовки изданий. Необходимо приурочить к этой дате новые издания отдельных произведений и сборников Горького... надо надеяться, что в их оформлении и иллюстрировании примут участие лучшие наши художники. Наверное, было бы полезно переиздать (с отдельными дополнениями) последнее прижизненное собрание сочинений писателя. Но меня беспокоит другое: неужели мы даже в связи с этой датой не приступим наконец к работе над академическим изданием сочинений Горького? Конечно, задача эта чрезвычайно сложна и трудна. Обеспечить осуществление ее (даже имея в виду лишь художественные произведения Горького) за несколько лет было бы хлестаковщиной. Тут нельзя допускать никакой спешки: надо поручить эту задачу Архиву А. М. Горького, который создан для того, чтобы литературоведов и текстологов Москвы, Ленинграда, Горького, Казани и других городов, где есть люди, многие годы изучающие жизнь и творчество основоположника советской литературы. Важно начать эту работу.

К сожалению, о таком давно необходимом академическом издании пока ничего не слышно. А может появиться какое-нибудь другое, сугубо многотомное издание, которое, не являясь академическим, включит в себя все, что, входило в тридцатитомное собрание, с дополнениями всего, имеющего в тома «Архива А. М. Горького» и в различные сборники. И может случиться, что готовить такое не строго научное издание будут десятки научных сотрудников, освобожденных для этого на год-два от своей прямой обязанности: писать научные работы.

ДЕЛО, однако, не только в изданиях произведений Горького. Я взял этот пример лишь потому, что он мне более знаком и особенно меня волнует. Сказанное относится, пусть и в разной мере, к изданиям сочинений Чехова и еще многих классиков. Но об этом лучше меня могут рассказать другие.

Надо коллективно разобраться в том, почему у нас бывают случаи, когда часть томов собраний сочинений классиков застревает в магазинах и на складах, а затем поступает в продажу по значительно сниженным ценам. Не говоря о понесенном убытке, в таком зрелище есть что-то обидное для классиков, — они не заслужили, чтобы их уценяли. В чем же здесь дело? В перенасыщении «рынка»? Но ведь в нашей стране к творениям великих художников слова каждый год обращаются миллионы новых читателей. Может быть, корень зла именно в появлении громоздких изданий, не имеющих определенного профиля и адреса? Или главное в другом?

Ясно одно: продолжая публикацию наследия классиков и выпуская издания разных типов и назначений, надо решительно отказаться от изданий неопределенного межеумочного типа, которые не столько помогают приобщать к бесценному художественному наследию новые миллионы читателей, сколько мешают этому важному и благородному делу.

«МАЯК». ДИАПАЗОН И ТЕМПЕРАМЕНТ

Под этим названием в «Литературной газете» от 25 марта 1965 года была опубликована статья Т. Чеботаревской, которой редакция начала обсуждение работы второй, информационно-музыкальной радиопрограммы.

Получены первые отклики. Некоторые из них мы печатаем сегодня.

«КАЛЕЙДОСКОП, ОБРЫВКИ ПЕРЕДАЧ...»

НЕ слишком ли многого требует автор статьи от передач «Маяка»? Ведь еще незабвенный Козьма Прутков предостерегал от попыток объять необъятное. А «Маяк» как раз и пытается объять «все». Тут и последние новости, и выступления литераторов, и поэтов, и трансляции спортивных матчей, и отрывки из спектаклей, и музыка, и прочее, и прочее...

Получается какой-то калейдоскоп, обрывки передач. Какая уж там цельность восприятия! Спешка и боязнь просчета вредируют.

А автор статьи считает, что «Маяк» должен быть еще равнообразнее, призывает давать больше информации, знакомить с киносъемками, репетициями, с выступлениями путешественников, ученых, даже подслушивать повсюду диких зверей!

Жаль, что мало в статье говорится о музыкальных передачах. А с музыкой «Маяк» производит странные эксперименты: на полуноте обрываются не только «легкие» песенки, но и вторые Шопена, и прелюдии Рахманинова, и оперные арии. Время, дескать, истекло, нужно мчаться дальше.

Но разве можно кромсать произведения классиков?

А какая музыка передается радиопрограммой «Маяк»? Серьезная и классическая здесь явно не в почете. Да и как ее вместишь в несколько минут? Вот и звучат бесчисленные песни, танцы и эстрадные пустышки. Между тем многие хотают от такой музыки, хотят слушать серьезные произведения.

Автор статьи почему-то возражает против сетки рубрик. Это, дескать, приведет к спокойному, привычному. Что тут плохого?

Ведь вкусы у всех разные — одни любят легкую музыку, другие — оперную, третьи — фортепианную классику и т. д. И было бы удобно твердо знать, что, скажем, **ежедневно** в 9 часов 10 минут, в 13 часов 05 минут или 15 часов 35 минут передается только классика, в 16 часов 10 минут, 20 часов 40 минут, например, музыка из оперетт.

Кажется мне, что следовало бы отменить установленные получасовые периоды в передачах «Маяка». Целесообразнее перейти на **часовые**. Десять—пятнадцать минут информации в начале каждого часа и затем сорок — сорок пять минут музыки.

При часовом периоде можно было бы передавать и целые концерты классической музыки, и большие отрывки из опер, оперетт, спектаклей.

Реже будут звучать повальные «Малина», зато передачи будут более цельные.

Могут возразить, что продолжительные театральные и музыкальные передачи транслируются по третьей программе.

Однако, вот беда, эту программу практически можно слушать только в центральных областях, а это еще не весь Союз. Мы, живущие в отдалении от столицы, тоже хотим слушать по радио столичные спектакли и концерты.

Ф. МОЛЕВИЧ,
подполковник

АЛМА-АТА

«РЕЧКА ДВИЖЕТСЯ И НЕ ДВИЖЕТСЯ...»

ПРАКТИКЕ нашего радио, его программам действительно мало уделяется внимания. Пишут о радио редко. И вот — статья в «Литературной газете». Она задела меня за живое.

По-моему, очень справедливо написано: «никто не позаботится о нем (речь идет о радио.— **О. З.**) как о художнике, своеобразном художнике, оперирующем лишь слуховыми образами».

Правда, на мой взгляд, и оценка информационной деятельности «Маяка». Но вот о музыкальных передачах, мне думается, следует говорить резче. Слова Т. Чеботаревской о том, что «принципы построения «Маяка» стали для наших слушателей привычными... они полюбили его...», неточно отражают фактическое положение дела. «Маяк» не пользуется особенной любовью и популярностью; напротив, очень многие воспринимают назойливое повторение музыкальной фразы с тоской и раздражением. Большим недостатком музыкальных передач является их кратковременность и отрывочность. Очень грубо и бесцеремонно «Маяк» прерывает не только целую передачу, но музыкальную фразу, даже музыкальный такт. Не успеет слушатель настроиться на «музыкальный лад», как снова: «Речка движется и не движется...» С одной стороны, нарушается процесс восприятия произведения, с другой, — у человека, совсем в музыкальном искусстве не искушенного, у молодежи вырабатывается неприязненное отношение к серьезной музыке, которую называют серьезной. А надо ли доказывать, что приобщение широких слоев советского общества к музыкальной культуре — задача огромной важности!

В большинстве музыкальных передач «Маяка» композиторы представлены перед слушателями мимоходом. За редким исключением не сообщаются ни автор, ни название, ни исполнитель произведения. И уж совсем плохо, когда после двадцатиминутного «музыкального винегрета» просто перечисляют: исполнялись произведения Чайковского, Грига, Глинки, Дебюсси...

О. ЗАХАРОВА,
врач

МОСКВА

«Я НАХОЖУСЬ В НЕРВНОМ НАПРЯЖЕНИИ...»

МНЕ кажется, что в статье о программе «Маяк» много верного и своевременного. Однако автор не упомянул о крайне неприятной особенности работы станции. Речь идет о том, что редакция музыкальных передач крайне неудачно рассчитывает время, необходимое для звучания музыкальных произведений. Я не говорю о подборе самих произведений, почти всегда случайном и не отвечающем направлению станции. Думается, что «Маяк» должен больше передавать произведений самых новых, современных, в последних записях. Плох же то, что многие произведения обрываются в середине исполнения, для того чтобы своевременно прозвучала информация «Последних известий». Однако редко это бывает новая информация. Чаще это повторение уже известных сообщений.

С некоторых пор, слушая любое поправившееся музыкальное сочинение, я нахожусь в нервном напряжении. Мне кажется, что вот сейчас, на середине прервется музыка и железный дикторский голос произнесет: «Передаем последние сообщения...»

О. РОЗЕНБЛАТТ

МОСКВА

СПОР ИДЕТ...

* Как издавать классиков?

* Снова о второй радиопрограмме

...В 1963 году в журнале «Жулдыз» было напечатано несколько статей молодых критиков, статей, рожденных горячим желанием поднять уровень требовательности к художественному качеству произведений (какими бы известными авторами они ни были написаны). В статьях этих были, однако, непродуманные формулировки, необоснованно резкие оценки.

Молодые критики излишне увлеклись формальными поисками некоторых своих сверстников—прозаиков и поэтов, говорили о проблемах художественной формы не всегда в единстве с анализом идейного содержания. На слабости, проистекающие из неясности некоторых молодых прозаиков, поэтов, критиков, литературная общественность республики реагировала вовремя. Ради истины заметим, что «Литературная газета» также не раз касалась вопроса о воспитании молодых литераторов. Мы поддержали выступления писателей старшего поколения, в которых спокойно и объективно анализировалось творчество молодых (см. «Литературную газету», № 19, 1963 г.), говорилось о том, что молодых (см. редакционный дневник, «Литературная газета», № 45, 1963 г.). К сожалению товарищей по нынешней редколлегии «Жулдыз» о неверных нотах в творчестве некоторых молодых писателей и критиков республики писал у нас и Б. Ахмадиев (см. его статью «Истины, трепно установленные», «Литературная газета», № 34, 1963 г.).

Но, помимо тех, кто вел в Казахстане плодотворный товарищеский спор, нашлись литераторы, которые готовы были пойти по пути шельмования инакомыслящих, ограничения от литературы людей, допустивших нерелые высказывания. Были, в частности, литераторы, которые попросту обиделись на **справедливые замечания молодых критиков.

Стоит выразить сожаление, что в обсуждении работы молодых и не только молодых литераторов Казахстана проявилась тогда нездоровые настроения, коренившиеся в групповых пристрастиях. Именно против прежнихъ групповщины ЦК КП Казахстана в прошлом году предпринял определенные меры; именно для оздоровления обстановки был изменен тогда состав редколлегий журнала «Жулдыз» и газеты «Казах адебиеті».

Теперь нынешняя редколлегия журнала пытается встать в позу единственно верных «толкователей» этого постановления. Но на каком же основании? И разве ошибки старого состава редколлегии «Жулдыз» механически гарантируют новый состав от новых ошибок?

Впрочем, новые ли они, эти ошибки? Не проявляется ли здесь тот же старый дух групповых пристрастий?

Но вернемся к вопросу о нынешнем состоянии литературной критики в Казахстане... Вот образец «анализа» этого состояния из той же январской передовой журнала (в заодно и образец ее недопустимого тона):

«Дело с критикой обстоит не очень благополучно. Нельзя не отметить, что этот боевой жанр за последние три-четыре года, особенно после третьего съезда писателей Казахстана, ни разу не перешел полным шагом. Мы почти затоптались на месте, то ли молодые пытаемся держать во критики, обязанная быть знаменосцем на переднем крае литературного фронта, в последнее время оказалась в обозе. Ряд товарищей, которые раньше показали себя неплохими критиками, активно вторгнясь в злободневный литературный процесс, теперь свернули в кусты, облюбовали поприще литературоведения, то есть целиком и полностью перешли на путь научного карьеризма. В связи с тем, что в критику влилась группа молодых, неплохо вооруженных всевозможными книгами по теории, но являющихся профанами в понимании жизни, этот жанр в ряде случаев стал превращаться в орудие тех, кто не в состоянии пойти дальше склок...»

На наш взгляд, эти «размышления» пахнут не столько принципиальностью реплики, озаглавленной «Один махом».

Вот так поют «Жулдыз» против «противопоставления поколений», вот так он «борется» за принципиальную консолидацию! И за объективность своих суждений — тоже.

Ведь на самом деле — литературоведы Казахстана имеют в последние годы довольно серьезных успехов.

На самом деле — в Казахстане есть и работают опытные, зарекомендовавшие себя критики: радует приход в критику молодых, образованных способных людей.

Надо не оскорблять критиков, а требовательно и вдумчиво относиться к критике, они делают, помогать им. Почему, кстати, так редко увидишь сегодня статьи и рецензии тех критиков, которые в свое время выступали в печати? Не потому ли, что «тень прошлого» витает до сих пор в литературной жизни республики, «обобщено» оживляемая выступлениями вроде нынешней передовой журнала?

Перед казахской литературной критикой сейчас стоит большая, неотложная задача — поднять уровень профессионального мастерства, внедрить объективно-научный подход к анализируемым произведениям. Без этого критика не сможет быть действенной, читатель не будет ее уважать, прислушиваться к ней, воспитываться ею.

Он вырос, наш читатель, — это отчетливо показало читательское обсуждение новых повестей казахских литераторов, удачно проведенное газетой «Казах адебиеті». Но вот та же газета в конце прошлого года пыталась организовать обсуждение проблем современного казахского романа. Хороший замысел редакции не осуществился, потому что началось обсуждение теоретически слабой, к тому же самореклямной статьей прозаика З. Шашкина, а за ней были опубликованы статьи литературоведов, профессиональная вооруженность которых тоже оставляла желать лучшего. Количество примеров такого рода можно было бы увеличить, но не в количестве дело: казахские литераторы знают об этом лучше нас.

И еще одна задача казахской критики.

О необходимости сурово, нелицеприятно относиться к книгам серым, стандартным, скучным не раз говорили и в Союзе писателей Казахстана, и в казахской прессе, и на страницах «Литературной газеты» (напомним выступления Г. Мустафина в № 61, 1963 г., Г. Мусрепова в № 76, 1963 г.).

Идейность и художественность — понятия неразрывные. Об этом с особой силой сказано в партийных документах.

Между тем перевал плохих, слабых в художественном отношении книг продолжается. Разумеется, не только в Казахстане. Но и в Казахстане.

Одна из причин тому — «групповые настроения». В этом мы как раз согласны с передовой статьей «Жулдыз»: «Те, кто заражен групповщиной, могут и обругать хорошее и до небес превозносить плохое произведение».

Воистину так!

□

В Союзе писателей Казахстана предполагают провести в скором времени пленум по вопросам развития литературной критики. Пожелаем инициаторам такого пленума, пожеланием практических перемен к лучшему в жизни писательской организации после пленума мы и закончим наш ответ товарищам С. Мауленову, С. Муканову, З. Шашкину и другим членам редколлегии «Жулдыз», приславшим письмо в «Литературную газету».

Обсуждаем произведения, выдвинутые соискание Ленинских премий

НЕНАВИСТЬ ИЗ ПЛАМЕНИ РАСТЕТ

Е. КНИПОВИЧ

КОГДА я в первый раз — страница за страницей — читала героическую поэму Юстинаса Марцинкявичюса «Кровь и пепел», меня не оставало чувство, что я уже где-то видела этих людей — героев поэмы. Постепенно в памяти стали возникать залы государственного музея в Каунасе — те, где собраны образцы народной деревянной скульптуры. Вот высокая, широкоплечая богатырь, с натруженными большими руками, вот дюжий Христос — святые, которым больше пристало ходить за плугом, орудовать виламы, топором и лопатой, чем прогуливаться в райских кущах.

Нет, не богов создавали безымянные народные умельцы резчики. Их создания — это образ литовского народа, литовской деревни, тот же, который встает со страниц поэмы Марцинкявичюса.

И если мне снова придется ходить по залам научного музея, я невольно буду думать: вот это старый Дзидзюс — «дух Литвы», как Уленшпигель был «духом Фландрии», вот три брата Давиньи с судьбой по-разному жестокой, вот красавица невеста Юрга, вот Розина — молодая мать. И только Матушки Давиене не будет среди этих изображений. Она, угаданная творческой мыслью скульптора Иокубонис, стоит в поле, на месте сожженной фашистами деревни Пирмонис.

Как бы два потока сталкиваются в поэме. Один — это естественное, плавное течение жизни трудового народа, величавая смена — вместе с временами года — разных видов сельского труда, вто летопись любви, болезней, рождений.

Но это плавное течение трудовой жизни продолжается уже как бы по инерции — за пределами деревни бушует война, рядом, в уездном городке, уже сосредоточены те силы фашистов и предателей Родины, которые каждую минуту готовы обрушиться на беззащитных жителей.

События трудовой жизни народа неразрывно связаны в поэме с образом солнца. Навстречу солнцу идет пахарь, прокладывая первую борозду в весенней земле, солнце вместе с зерном прячется в севалке в дни посева, солнцем светят глаза трудовых людей. Но с большой силой ощущая и передавая светлую правду жизни трудящихся, Марцинкявичюс вместе с тем с горечью видит и пассивность, беззащитность этого добра перед натиском злобы и насилия. Так возникает в поэме тема жестокой и необходимой «науки ненависти» для защиты добра.

Нет, Юстинас Марцинкявичюс как подлинно большой художник не упрощает этого трудного вопроса. Учиться ненависти нелегко для настоящего человека. И истребление врага — «невесельный труд», как говорит партизан Наналис, второй сын Матушки Давиене.

Но ведь война идет «ради жизни на земле» — недаром ненавистны фашистов к трудовому народу символически соединяется в поэме с их ненавистью к солнцу. В солнце бьет из автомата Пирагас, предатель родины, на него, когда фашисты уже готовятся чинить расправу над жителями деревни, «жечь солнце», светящееся в сотнях человеческих глаз, решает командир карателей.

В этом расколотом надвое мире нет места для третьего пути. Попытка остаться «не красным и не коричневым», спрятаться от исторических событий неизбежно ведет к преступлению. Нет, Марчюс, старший сын Матушки Давиене, не хотел зла родной деревне. Он только отделил от нее свою судьбу, оберегая свой дом и семью, свою жену и будущего ребенка. Но сперва защищая это отдельное от народа, свое, он неизбежно должен был стать Иудой-предателем, Каином-братоубийцей...

Гибнут в пламени все жители сожженной карателями деревни. Мужчины и женщины, старики и малые дети, красавица Юрга — невеста Наналиса, его отец и глухонемой брат Пиюс, и сам Наналис, по велению сердца ставший народным мстителем, партизаном. Однако смерть, как и жизнь, бывает разной. Гибнуть в час пепла значит становится воплощением солнца и жизни.

Голова его,
Светловолосая, казалась солнцем,
Простая домотканая рубаха
На миг пойманы ветер и надулась,
Чтобы лететь.
И весь он в этот миг
К полету приготовился.
Солдаты
Неторопливо стали целить
В солнце...

...СОРОК шесть лет тому назад председатель революционного управления Большого драматического театра в Петрограде Александр Блок перед началом спектакля говорил зрителям — красноармейцам петроградского гарнизона о трагедии Шиллера «Дон Карлос».

«Победой зла, лжи и смерти кончается великая трагедия Шиллера. ...Будумайтесь в то, что вы сейчас увидите, и поймите, что злобным чувствам волчьей стае, которая осталась царствовать на земле после того, как погубили все доброе.

Нет, такая жизнь — не жизнь. Легче таким людям, как эти жестокие и запуганные, вовсе не мыслящие, удавиться, чем жить на свете. Ложь и зло сожгут себя сами. Но злое деяние человек рано или поздно получит возмездие.

Радость с этим злом и ложью—нашим радостным светом сияют добро и правда! Разве не счастливее и не полнее была жизнь Матильды Моцарт и Розины, которой дал Блок, заключена большая правда. Но наша литература, опираясь на опыт великих испытаний, великих подвигов советского народа, видит и более глубокие основы трагической героики. Если позволю говорить о высокой поэзии языком прозы, — я бы сказала, что «Кровь и пепел» заключается тройным выводом.

Первый — о том, что жестокость врага вызывает гнев народа и убивает его покорность и пассивность. Мирное солнце народной жизни становится, по словам Гейне, — «гневным пламенем».

Севалка в последнее трудовое утро чем-то напоминала солнце крестьянину-сеятелю. Но в час смерти он увидел свой труд по-иному:

Упав на землю, человек подумал,
Что в севалке своей полупустой,
Оставленной посередине поля,
Он тянется
и что опомнить сев
До поднимка ему необходимо.
И сеять начал он, шагая
и солнцу,
Но что же это — вовсе не грочьки,
А пламя плещет в севалке живое,
И ненависть на пламени растет.

Второй вывод — это бессмертие Родины, воплощенное в бессмертии Матушки Давиене:

Волосы ее
Ласкать и гладить пламя принялось,
Потом одежду мягкую льняную
Бесшумно с тела сняло.
Но ее,
Но самое ее
сожрать не в силах,
Не в силах было, потому что Мать
В тот миг была уже самой Литвою,
Сожженной столько раз —
и не сожженной,
Растерзанной, но все-таки живой.

И, наконец, последний вывод поэмы — это неограниченность человеческих и нестребимость животворящей любви, воплощенной в образе молодой Матери, случайно уцелевшей и кормящей первенца, которого родила в ночь после отмщенной гибели деревни.

Веселая и умная поэзия

МНОГО книг издается у нас в стране для ребят. И я не ошибусь, если скажу, что среди тех, которые особенно привлекают внимание малышей,— книги Сергея Михалкова.

Что в них так нравится детям?

Вспоминаю собственное детство: с каким восторгом мы слушали и читали «Дядю Степу»! Эти звонкие, ясные стихи запоминались буквально с первого раза. Дядя Степа — добрый, веселый и мужественный — был нашим героем. Никто не сомневался, что такой замечательный дядя, друг детворы, действительно живет на свете.

А потом появился знаменитый Фома, который никому и ни во что не верил. А кто не помнит стихотворение «Про мимозу» — о нежнике и его капризах!

И вот теперь я опять дружу с книжками С. Михалкова. Читая своему маленькому сыну новые стихи поэта, я вижу, что и он слушает их с огромным интересом, быстро запоминает и потом сам с удовольствием декламирует. Я имею в виду такие книжки, как «36 и 5», «Облака», «Миллионер», «Веселые зайцы» и другие.

Взять, к примеру, стихотворение «Сашина каша» — о том, как маленький мальчик коверкает слова:

Он скажет: «До свидания!» —
А слышится: «До здания!»
Он спросит: «Где малоин?» —
А слышит: «Про лошадь!»

По-моему, стихи С. Михалкова увлекают юных читателей тем, что в них всегда есть элемент игры, озорства. Озорной становится и сама интонация стихов, бойких, задорных, звонких.

Озабоченно и хмуро
Я на градусник смотрю:
Где мой термометр?
Почему я не горю?

Без какой-либо натяжки, легко, с шуткой поэт открывает маленькому человеку целый мир, прекрасный и удивительный. Он учит его правильно говорить, учит бережному отношению к природе («Прогулка»), высмеивает трусость и хвастовство («Прививка»), лень и притворство («Тридцать шесть и пять»).

Новые книжки С. Михалкова как бы возвращают меня в далекое детство. В стихах поэта все тот же веселый задор, лучезарный «михалковский» юмор. Почти тридцать лет отделяют новые стихи от стихов про дядю Степу. Голос поэта по-прежнему молод, чист, звонок.

С. ТАВЬЕВА,
старший преподаватель экономического института

САРАТОВ

Литературное наследие В. С. Гроссмана

Секретариат правления Московского отделения Союза писателей РСФСР утвердил Комиссию по литературному наследию В. С. Гроссмана. В нее вошли Г. Березко (председатель), В. Гацин, Л. Лунина, Т. Трифонова, А. Чепыженко, О. Гроссман, М. Козлова (ЦГАЛИ).

Сообщить заседания комиссии, обсуждавшей план мероприятий по увековечению памяти писателя. Подготовлен также «Художественная литература» приступает к изданию собрания сочинений В. Гроссмана. Подготовлены для издания книги повестей и рассказов последних лет. В очередном томе «Литературного наследства» будут опубликованы отрывки из записных книжек В. Гроссмана времен Великой Отечественной войны.

Комиссия приступила к сбору материалов о жизни и творчестве писателя и обращается ко всем товарищам, имеющим письма, рукописи и другие материалы, связанные с жизнью В. С. Гроссмана, с просьбой предоставить их в ее распоряжение.

Все материалы можно направлять по адресу: Москва, А-304, Варошевское шоссе, д. 2/1, корп. 1, кв. 1. О. М. Гроссман.

ЧУДОВИЩА ПРОТИВ ЛЮДЕЙ

Мэр американского города Камден проявил незаурядное мужество. Нет, он не поднялся в космос. Он первый бросил дымовую шашку в детей. В негритянских детей, демонстрировавших перед своей школой в знак протеста против того, что их родителей лишают права голоса.

...Камден — центр избирательного округа Уилкокс штата Алабама. Семьдесят процентов населения в этом округе — негры. Зарегистрироваться в качестве избирателя их удалось... одному.

Дети протестуют против того, что их родителей не признают гражданами? Разогнать детей! И вот вооруженные дымовыми шашками полицейские во главе с мэром идут в «крестовый поход». Взрослые против детей? Нет, чудовища против людей!

...Город Марион, тот же штат Алабама. Негритянская демонстрация в защиту гражданских прав. Полицейские с дубинками набрасываются на пожилую негритянку. Ее заслоняет сын—Джеймс Ли Джексон. Полицейский, возмущенный тем, что ему не дают поиздеваться над старухой, убивает негра на месте. Убийца? Да что вы! Полицейскому даже не нужно защитника: против него просто не возбуждается уголовное дело.

Сын защищает мать. Какую мать — негритянку? Убиты! И полицейский убивает негра, а потом идет целовать своих детей.

Блюстители порядка против его нарушителей? Нет, преступники против граждан!

...Четверо негритянских детей, убитых взрывом бомбы в Бирмингеме... Джеймс Риб... Виола Луизо... Это все Алабама, только Алабама, и совсем не все об Алабаме.

Кипит юг Америки. С одной стороны — мужество, верность, готовность к самопожертвованию. С другой—звериные рыла убийц, прикрытые белыми колпаками ку-клукс-клана. Не здесь ли куются кадры тех, кто сжигает напалмом и газом мирных жителей Вьетнама?

На чьей стороне закон?

По авторитетному свидетельству корреспондента агентства Юнайтед Пресс Интернешнл Уильяма Тейсо, «правительство старается (?!) найти путь, который позволил бы федеральным властям более непосредственно принимать меры против насилия... Другими словами, сейчас ищут (?!), какую область гражданских прав, находящихся под защитой конституции, ку-клукс-клан систематически нарушает».

Ищут! И никак не могут найти!

Но на чьей стороне совесть мира,—в этом нет сомнений. Об этом свидетельствуют и рисунки двух художников — американского и датского.

Р. Л.

Рисунок из американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»

Рисунок художника Херлуфа Бидструпа из датской газеты «Ланд ог фольк».

«АКОН» И ЕЕ ФЮРЕРЫ

Д. УМАНСКИЙ

ВСЯКОГО рода агрессивные организации густой сетью покрыли ФРГ. Есть среди них одна, сокращенно называемая AKON, а полностью «Aktion Oder — Neisse», то есть «Акция Одер — Нейссе». Об этой «акции» стоит сказать несколько слов.

То, что на вывеске,—это лишь часть ее территориальных притязаний. На самом деле, как мы увидим, они нацелены и в восточном, и в западном направлении. Кроме того, ее главари избрали своей мишенью не только чужие страны, но и «чужаков» внутри ФРГ—противников реваншистских авантюр. Поэтому дело не ограничивается провокационными предупреждениями о том, что «время ожидания и пассивности прошло» и что «слишком долго ждали признания своего права» (права на отторжение чужих земель). Нет, главари «Акон» с первых же шагов стали натравливать своих сторонников на «предателей и коллаборационистов, отвергающих это священное(!) право».

«Аконовцы» хвастают без удержу: «Мы собрали уже достаточно сил и больше не отступим. Теперь у нас своя организация и ясный маршрут, и нам многие помогают». Кто же это «мы» и кто «нам помогает»?

Среди учредителей «Акон» — известные своими пронацистскими взглядами редактор махровой милитаристской «Дейче национальцейтунг унд зольдатен-цейтунг» д-р Фрей и — отнюдь не в последнюю очередь — преслывший Теодор Оберлендер.

Да, сей господин и поныне считается в Бонне лицом, достойным во всех отношениях. Он депутат бундестага от правящего христианско-демократического союза, к тому же член комиссии бундестага по вопросам атомной энергии. Подвизается он и в некоторых других западногерманских институтах. Печать этого военного преступника лежит на всей деятельности «Акон».

Почерк Оберлендера виден и в листовках «Акон». Выпускаемые в миллионах экземпляров, они призваны воспитывать враждебность к другим народам. Характерно, что эти листовки печатаются на английском, французском, голландском языках, разбрасываются в зарубежных странах.

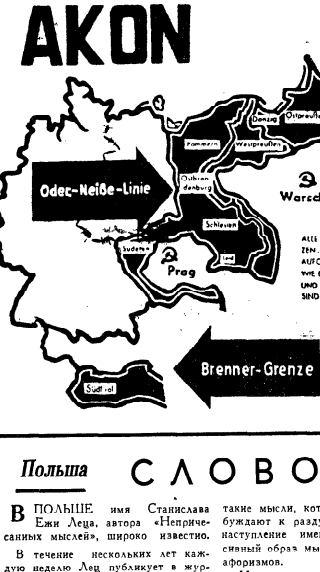
Так «Акон» старается выйти на мировую арену. Недаром друг Оберлендера Зеебом недавно объявил, что «центр тяжести» сей «акции» вот в чем: «добиться понимания дружеских наций» для территориальных притязаний со стороны Бонна, иначе говоря, втянуть другие страны, прежде всего участниц НАТО, в боннский реваншизм.

То, что у западногерманских руководителей на уме, то у Оберлендера и других фюреров «Акон» на языке. Так, в одной из листовок, требующих отторжения земель народной Польши, говорится о восстановлении прежнего порядка в любом отношении во всех областях» с тем, чтобы «противозаконно (!) проживающие теперь в Восточной Германии (так реваншисты называют западные земли народной Польши. — Д. У.) покинули эту территорию».

Только и всего!

Однако это лишь часть «программы» «Акон». Она не ограничивается западными польскими землями. Мы воспроизводим листовку этой организации, недавно заброшенную в Австрию. Как видим, исходной позицией этой агрессивной «акции» является территория суверенной ГДР, поглощение которой в Бонне считается «первым шагом» на пути восстановления «рейха» в его прежних границах. Стрелка направлена на восток — против территории СССР и Польши. К этому «жизненному пространству» приплюсовываются и Судетская область Чехословакии. Поэтому руководители «Акон» поступили «логично», залив в своей листовке черной краской всю ту территорию, на которую фактически претендует западногерманская реакция.

Что и говорить, сильная наглядная агитация!



А теперь обратим внимание на другую стрелку с обозначением «Brenner-Grenze», то есть «граница на Бреннере». Она ведет в западном направлении, к северным районам Италии, в Южный Тироль. Это «жизненное пространство», ранее не входившее в германский рейх, тоже залито черной краской. Агрессивные силы Западной Германии не прочь прикарманить и то, чего у них даже при Гитлере не было!

Об их притязаниях на территорию Италии стоит упомянуть особо.

Некоторые боннские политики, начиненные пангерманским горючим, уже не раз делали «заявки» на земли, входящие в «германскую зону». При этом они считают новый «аншлюс» (присоединение Австрии) само собой разумеющимся. Они настолько свыклись с этой мыслью, что, например, в некрологе, опубликованном ведомством печати боннского правительства в связи со смертью президента Австрии А. Шерфа, население Австрии было названо «частью германского народа в германо-австрийской республике!

Не секрет, что в Мюнхене имеются организации для подрывной работы в Италии, закамуфлированные под общества по оказанию «социальной» и «культурной» помощи населению Южного Тироля, — «Хильфсверк Зюдтироль» и «Культурверк Зюдтироль». Нити ряда террористических актов, совершенных за последние годы в Южном Тироле, вели в Мюнхен к этим организациям, которые находятся в руках воинствующих пангерманских экстремистов. Назовем хотя бы только одного из них — бывшего гитлеровского генерала Рудольфа Конрада, возглавлявшего отдел шпионажа в верховном командовании вермахта.

Вот к этим агрессивным силам примыкает, притом отнюдь не только «идейно», пресловутая «Акон» с ее стрелой, нацеленной против Италии.

Остается спросить: не считают ли в Бонне, что наличие подобных организаций, активность которых поощряется властями, дискарминирует с неоднократными официальными утверждениями о том, что в ФРГ «нет реваншизма», и «нет реваншистов», и нет пангерманских тенденций? Если всего этого «нет», то кто такие фюреры «Акон»?

ОБ ОДНОЙ НЕКРАСИВОЙ ЗАТЕЕ

Открытое письмо издательству «Флегон Пресс»

Господа! Прежде чем начать письмо, разрешите отрекомендоваться: Александр Васильевич Горбатов, генерал Советской Армии.

Это не только долг вежливости, это заявка на прямой, нелицеприятный разговор. Я солдат и привык к прямоте. Тем более, что дело, о котором пойдет речь в письме, затрагивает мое имя, которое я имею основания считать добрым. Больше того, оно затрагивает престиж моей страны.

Я пишу, а передо мной лежит изданная вами книга «Черный год». С тех пор, как я впервые взял ее в руки, не перестаю возмущаться, читая на корешке свое имя.

Не скрою, я был обрадован, узнав, что мои мемуары «Годы и войны», опубликованные в журнале «Новый мир» в прошлом году, а затем вышедшие отдельной книгой в Военном издательстве, изданы теперь в Англии. Мне подумалось, что, может быть, и мой скромный литературный труд поможет взаимопониманию между нашими странами, укреплению дружбы между советским и английским народами, недавними товарищами по оружию в общей борьбе со злейшим врагом человечества — фашизмом.

Но вот изданная вами книга у меня в руках. Первое побуждение — отбросить ее в сторону как нечто вдовитое и омерзительное. Одолевало оскорбление собой, потому что понимаю: молчать не имею права — задето достоинство моей Родины, советского народа, честь и достоинство мои — гражданина СССР и коммуниста.

Не знаю, поймете ли вы меня, господа из издательства «Флегон Пресс». Вряд ли. И тем не менее я намерен высказать все, что думаю, ибо верю в здравый смысл английского читателя.

Обращаюсь непосредственно к самой книге. Она «начинается» с суперобложки. Начну с нее и я.

Казалось бы, мелочь — обложка. И я бы не говорил об этом, если бы в ней не была скрыта, скрыта, как в фокусе, «идея», ради которой «Флегон Пресс» и предприняло всю эту дурно пахнущую махинацию с изданием книги в таком виде. Вероятно, с точки зрения английской издательской практики, здесь все, как говорится, на высшем уровне: ярко, броско, бьет по нервам. Достаточно сказать, что на суперобложке изображен окровавленный серп.

Я иллюзий не питаю, издатели великолепно знали, что делали. Но и мы хорошо знаем: они делали черное и грязное дело, пытаясь внушить читателю, что террор и насилие, мол, — неизменный атрибут «коммунистического режима». Ну, а если посчастливилось народу великой страны, то какое дело до этого политическим дельцам!

Весь мир знает, что серп — один из элементов, составляющих Государственный герб Советского Союза. И еще — это символ трудолюбия советского народа. А в те годы, когда моя страна была еще слаба, серп служил и орудием труда. С его помощью наши матери, жены и сестры добывали хлеб для нас, изнемогавших в борьбе с вооруженными до зубов ордами интервентов 14 иностранных государств.

А два десятилетия спустя (к тому времени на смену серпу пришли сотни тысяч комбайнов и тракторов) мы, приняв на себя основной удар гитлеровской военной машины, истекали кровью, но выстояли. Тогда на Британских островах вздохнули свободно: прекратились разрушительные массированные налеты фашистской авиации, отпала опасность высадки врага на английской земле...

Хочу сразу же внести ясность: я никогда и никому не давал разрешения на издание моей книги в извращенном виде. Я решительно и категорически выражаю свой протест против действий английского издательства «Флегон Пресс». В данном случае не только нарушены элементарные права автора, попутные по всем мире, но и, пользуясь именем автора, сострадания нечистыми руками фальшивка, которая носит характер низкопробной политической авантюры.

Изданная под моим именем в Лондоне книга представляет собой лишь небольшой отрывок из моих мемуаров (примерно одну десятую часть), рассказывающий о незаконных репрессиях, коснувшихся меня в период культа личности Сталина. Все основное, что в мемуарах предшествует этому времени, и описание последующих лет, включая годы второй мировой войны, в издании «Флегон Пресс» отсутствует. Почему, догадаться нетрудно: такой трюк направлен к тому, чтобы создать тенденциозное представление о Советском Союзе.

«Флегон Пресс» не только произвольно и тенденциозно сократило мои записки, снабдило их «кровавой» обложкой, но и вписало в книгу пролог и эпилог, надписи на суперобложке, содержащие грубую клевету, и, наконец, предисловие, фальсифицирующее историю. Все это — смесь клеветы с недомыслием. Честное слово, после чтения этих ваших прологов и эпилогов хочется попросту вымыть руки.

В прологе есть фраза: «Сталин умер, но его наследники и советская коммунистическая система выжили». В этих словах сквозит неприкрытое раздражение, горечь разочарования. Вы и ваши друзья рассчитывали, что смерть Сталина приведет к ослаблению нашей страны. Но и на этот раз ваши расчеты оказались глубоко ошибочными. Теперь весь мир знает, с какой решительностью отбросили мы все допущенные в прошлом ошибки, с тем, чтобы еще более укрепить наше государство и нашу коммунистическую систему. Как бы ни злобствовали враги, коммунизм в нашей стране, да и не только в ней, крепнет день ото дня, одерживает все новые победы.

Издатели «Флегон Пресс» представляют генералов Советской Армии жертвами «в руках Коммунистической партии», а которыми обращаются так плохо, что хуже некуда. И тут же сообщается, что эти же генералы обладают силой, способной превратить мир в кучу пепла или сбросить бомбы на Луну. И опять слова, слова: «советские преступления», «террор», «жестокость» и далее... «социальное неравенство».

Читая это, нельзя удержаться от смеха. Господа, соблюдайте хотя бы минимальную объективность! Как вы будете сводить концы с концами, если английские читатели узнают, что я в прошлом крестьянский сын, батрак, солдат царской армии, теперь советский генерал армии, неоднократный депутат советского парламента — Верховного Совета? А ведь я только один из многих.

Вопреки утверждениям автора предисловия к английскому варианту моей книги, что «цензор не разрешил мне рассказать большего и в связи с этим текст подвергся сокращению», я заявляю, что это предположение издателя является грубым домыслом. В советском издании моей книги напечатано все, что я хотел сказать. А вот над английским изданием мемуаров цензор, видно, потрудился основательно: мне не дали сказать англичанам правды.

Как вплетут подобные методы с притязаниями английской печати на объективность и свободу выражения мнений? Что касается «Флегон Пресс», то для него искажение и тенденциозность, — видимо, повседневная практика. В нашей печати недавно опубликовано официальное опровержение по поводу выпуска вашим издательством так называемого справочника «Промышленные предприятия СССР» и брошюры о потребностях Советского Союза в импорте товаров в 1965 году. Сведения, приведенные в этих изданиях, оказались сплошным вымыслом «Флегон Пресс».

Итак — английские и русские читатели могут сами убедиться в грубой тенденциозности и лживости «Флегон Пресс».

Александр ГОРБАТОВ,
генерал армии,
Герой Советского Союза

С РАЗНЫХ ШИРОТ

Англия

В ПОИСКАХ «ТОЧКИ ВОСПЛАМЕНЕНИЯ»

ПОД символическим названием «Точка воспламенения» вышла в университетском городе Лидсе «Антология современной английской поэзии, где представлены 67 поэтов.

В начале века еще писали Т. Харди, Йейтс, Де Ла-Мар, Хаусман, корни творчества которых уходят в глубь викторианства. Но не они уже определяли течение английской поэзии. Обновителями ее стали молодые стихотворцы того поколения, которое изведало бури первой мировой войны. В стихах так называемых «окопных поэтов» У. Оуэна, Э. Сассуна и других прорывчал мощный протест против империалистической войны и фальши буржуазного патриотизма. В эти же годы начались поиски новых форм для выражения новых явлений жизни, которые не всегда были ясны авторам; порой это заводило многих из них, особенно начинающих, в бесплодные формалистические дебри.

Вторая мировая война вызвала в Англии немало военных стихов. Однако даже лучшие из них—К. Дугласа, Д. Аллисона, С. Кэйза — не стали большим литературным и общественным явлением.

От имени послевоенного поколения поэтов выступает с кратким предисловием Джон Силкин, откровенно заявивший, что он живет в обществе, равнодушном к индивидууму и его страданиям. Судя по биографическим заметкам, всем молодым писателям приходится добывать средства к жизни посторонним трудом, отдавая поэзии лишь свой досуг. Все же они хорошо владеют слогом и ищут свои пути, критикуя своих былых учителей. Силкин пишет, что мир образов Элиота—это бесплотное отражение его мыслей, а участник войны Литвинов изумляет Элиота оракулом, который вещает об «абсолютном зле» и не чувствует запаха печей Треблинки.

Новые английские поэты постепенно переходят к реалистическому изображению жизни, а от узколичных тем вольно или невольно — к темам социальным. В антологии напечатано несколько интересных антиоенных стихотворений; в некоторых, например в стихах П. Портера, высмеивается военная истерия. Выдаст некоей страны для разжигания страстей сообщают о полете вражеской ракеты с атомной бомбой «не менее тысячи мегатонн», и тут же даются ханжеские советы:

Все происходит по воле бога.
Торопитесь же в ваши убежища.

«Да не повторится Хиросима»,— пишет Джеймс Киркап, рассказывая о своем посещении этого японского города и о виденных им в музее вещах-реликвиях, сохранившихся после атомной катастрофы, о «хлопчатобумажных летних штанишках мальчиков, которые позвали домой в кровь, чтобы медленно умереть».

Кристофер Лог в ярком «Рассказе о дороге» описывает стачку циклиняских рыбаков, перед безмолвным сопротивлением которых бессильны все усилия полиции. О тяжелой жизни уэльских фермеров, об их нищете правдиво сообщает в предельно сжатых стихах Р. Томас («Говорит фермер с холмов», «Смерть крестьянина»), а Норман Николсон таким же выразительным стихом пишет о кумберлендских горняках, которые добывают «уголь и железную руду окровавленными руками и чувствуют железо в своей душе».

В современной английской поэзии чувствуется напряженное, тревожное раздумье над большими вопросами жизни человеческой.

Flash Point. An Anthology of Modern Poetry. Leeds. 1964.

Михаил ЗЕНКЕВИЧ

Польша

СЛОВО И МЫСЛЬ

В ПОЛЬШЕ имя Станислава Ежи Леца, автора «Непричесанных мыслей», широко известно.

В течение нескольких лет каждую неделю Лец публикует в журнале «Свят» четыре-пять сентенций, то самое существенное, что считает нужным сказать другим. И удивительная вещь: небольшая подборка, затерявшаяся где-то на периферии еженедельника, среди пестрой смеси, нашла дорогу к читателям. Вышедший совсем недавно новый томик его афоризмов моментально исчез с книжных прилавков.

Не внешняя эффектность и парадоксальная броскость афоризмов главное для Леца. Его максимы несут в себе активный, действенный заряд. «Я заметил, — подчеркнул он как-то, — что многие любят такие мысли, которые вовсе не побуждают к раздумьям». Лец ведет наступление именно на такой пассивный образ мышления с помощью афоризмов.

«Непричесанные мысли» Ст. Е. Леца неотделимы от своего времени, от недлекого жизненного опыта людей его поколения, перенесших фашистскую оккупацию, кошмар гитлеровских лагерей смерти, опасности подпольной борьбы с нацизмом. Нелишне вспомнить, что и сам Лец в разгар немецкого террора в Варшаве, вырвавшись из Тарнопольского концлагеря, начинает здесь активно сотрудничать в нелегальных изданиях.

Не случайно именно у него, человека, пережившего и оккупацию, и варварское уничтожение захватчиками польской столицы, а ныне, подобно тысячам других поляков, с тревогой наблюдающего за тем, как в ФРГ амнистируют одного за другим гитлеровских преступников, мы встречаем полную горькой иронии сентенцию: «Человеческий прогресс очевиден: убийц с каждым годом судят все более гуманно». И как ядовито разящи его строки, при всей их обобщенности сохраняющие довольно-таки определенный адрес, в которых он говорит о карателях, готовых «посыпать голову пеплом своих жертв», об «иудах, научившихся носить нательные кресты», о «палачах, всегда выступающих под маской правосудия».

Словом, суждения Леца не отвлеченные морали. Потому они и находят живой отклик у читателя, чутко прислушивающегося к слову Леца, то ироническому, то горькому, то произносимому с тревожно-вопросительной интонацией: «Время делает свое дело. А ты, человек?..»

Сергей ЛАРИН

Stanisław Jerzy Lec. Myśli nieuczesane nowe. Kraków. 1964.

США

ОСАДА ГАРЛЕМА

НОВЫЙ роман американского писателя Уоррена Миллера посвящен разоблачению расовой дискриминации в Соединенных Штатах. Предыдущая книга писателя на эту тему—роман «Равнодушный мир» рассказывала о жестоком, бесчеловечном обществе, в котором живет негритянский мальчик. Но если «Равнодушный мир» — произведение, так сказать, констатирующее, роман-диагноз, то «Осада Гарлема» — взгляд писателя в будущее, роман-утопия.

...Американское правительство так и не смогло разрешить расовую проблему. Тогда негры, образовали свое независимое крошечное государство в Гарлеме и воздвигли вокруг него баррикады. Осуществив мирную революцию, жители Гарлема принимаются за социальное переустройство. Глава республики Лэнс Хаггинс первым же декретом проводит национализацию частной собственности. Новый Гарлем — демократическое государство, где все равны без различия цвета кожи и вероисповедания. Национализм рассматривается как вредный пережиток. Девиз нового общества: «Если ты человек, ты должен быть братом человеку».

Не сумев подкупить Хаггинса, США пытаются задушить республику блокадой, терроризировать население при помощи наемных убийц.

Но молодое негритянское государство выстояло и победило. Кончается первый, решающий год существования республики.

Главное достоинство романа — в развенчании расистского мифа о духовной «неполноценности» негров, о их неспособности вершить государственные дела. Поэтому и идея обособленного негритянского государства — основное требование «черных мусульман», националистической негритянской группировки — отнюдь не приобретает в романе У. Миллера реакционного звучания.

Роман состоит из коротких «фабло», преданий старины, которые рассказывает внукам на сон грядущий обремененный житейским опытом старик, свидетель событий середины XX века. Он чем-то похож на дядюшку Римуса из известных сказок Д. Харриса. Да и манера повествования напоминает то патетический, то шутливый стиль произведений негритянского фольклора.

М. ТУГУШЕВА

Warren Miller. The Siege of Harlem. New-York. 1964.

Наши гости

В Москву, по приглашению Союза писателей СССР, прибыл известный австралийский писатель Хьюэ Лесон Уотен — член исполкома Общества австралийских писателей штата Виктория.

Советским читателям имя Джуды Леона Уотена известно по вышедшим в СССР его романам «Соучастие в убийстве» и «Вурные годы». Высокую оценку прогрессивной критики получили и другие произведения писателя — романы «Несгибаемые», «Далекая земля», сборник рассказов «Сын Чужак».

Н. Д. ВОЛКОВ

Скончался Николай Дмитриевич Волков — известный драматург, литературовед, театральный критик.

Им написаны книги и исследования о советских режиссерах и актерах Вахтангове, Мейерхольде, Собинове. Ему принадлежит книга «Александр Блок и театр».

Большой вклад внесет Н. Д. Волковым в советскую музыкальную драматургию. Им созданы либретто многих балетов «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Бахчисарайский пленник» «Барышня-крестьянка», «Голубой Дунай», «Спартак» и др.

Много лет он сходит со сцены Московского Художественного академического театра спектакль «Анна Каренина», сценический текст которого принадлежит Н. Д. Волкову, работавшему в сотрудничестве с В. И. Немировичем-Данченко. Совсем недавно Н. Д. Волков был на тысячном представлении «Анны Карениной» во МХАТе.

Перу Н. Д. Волкова принадлежит огромное количество статей и рецензий, опубликованных в центральных газетах и журналах.

Память о нем как о человеке, много сделавшем для расцвета родной литературы и искусства, человеке прекрасного дарования и большой души, вечно будет жить в наших душах.

Секретариат правления СП СССР
Секретариат правления СП РСФСР
Секретариат правления московской писательской организации

Секретариат правления московской писательской организации Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием сообщает о скоропостижной кончине литературоведа и драматурга, члена Союза писателей СССР

ВОЛКОВА
Николая Дмитриевича,

последовавшей 3 апреля с. г., и выражает глубокое соболезнование семье и друзьям покойного.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-30-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — В 3-54-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-89, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), А. БЛИНОВ, В. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

ИНДЕКС 50062 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 Б — 00657.